

№ 59.

1906.

НОЯБРЬ.

БОЖІА НИВА

СЕ ИЗЫДЕ СВѢТЪ ДА СВѢТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КО МѢИ
НЕВРАНИ
ТЕ И МѢ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕ СЪХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕ СНАГО.

ТРОИЦКІЙ СОБЕСѢДНИКЪ ДАА ПРАВОСЛАВНОЙ ШКОЛЫ И СВѢТЪ.

„БОЖІА НИВА“

въ 1907 году

съ Божіей помощью будетъ продолжаться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прошедшемъ году.

По принятому порядку и въ будущемъ 1907 году мы дадимъ 12 №№ БОЖІЕЙ НИВЫ и 12 книжекъ ЗЕРНЫШЕКЪ для дѣтскаго чтенія, изъ коихъ каждая представляетъ какъ-бы маленькій назидательный сборникъ. Цѣна журнала съ приложеніями остается прежнею 1 рубль въ годъ съ пересылкою.

Имѣя въ виду, что печатаніе адресовъ съ разными почтовыми формальностями замедляетъ въ началѣ года разсылку журнала, редакція покорнѣйше проситъ высылать деньги заблаговременно съ

приложеніемъ адреса, по которому получался журналъ. *Наложнымъ платежемъ журналъ не высылается.*

Подписка въ текущемъ году продолжается. Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера, начиная съ 49-го, за 1 р. Первый, второй, третій и четвертый томъ **БОЖІЕЙ НИВЫ** (1—12—1902 г.; 13—24—1903 г.; 25—36—1904 г.; 37—48—1905 г.) можно получать безъ переплета за 1 р. 10 к. каждый, въ папкѣ по 1 р. 25 к., а въ коленкоровомъ переплетѣ за 1 р. 75 к. съ пересылкою. **ЗЕРНЫШКИ** можно получить по 5 к. книжку безъ пересылки и по 7 к. съ пересылкою, а при требованіи на 1 р. высылаются 20 книжекъ. Съ прошлаго года въ редакціи имѣются годовые томики **ЗЕРНЫШЕКЪ** въ коленкоровыхъ переплетахъ съ общимъ счетомъ страницъ, которыя можно приобрѣтать по 80 к. безъ пересылки и по 1 р. съ пересылкою.

Журналъ „БОЖІЯ НИВА“ одобренъ Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ для выписки въ бібліотеки церковныхъ школъ.

Епархіальные училищные совѣты могутъ вносить „БОЖІЮ НИВУ“ въ списокъ изданій, требуемыхъ ими изъ Училищнаго, при Св. Синодѣ, Совѣта за счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на школьныя бібліотеки.

Редакторъ Епископъ НИКОНЪ.

ЗА АВТОРИТЕТЪ РОДИТЕЛЕЙ.

(Окончаніе).

И не удивительно, если дѣти, воспитавшіяся подъ роднымъ кровомъ среди простыхъ хрістіанскихъ нравиль житейской мудрости, до дней глубокой старости любятъ свое прошлое и тѣ счастливыя минуты дѣтства, въ которыя сложилась и окрѣпла ихъ любовь ко всему родному, къ своимъ отцамъ и матерямъ, въ которыя заложены незримыя источники восторга, о которыхъ говоритъ поэтъ:

Родныя русскія картины!

Заснешь—и видишь васъ во снѣ:

Знакомый домъ, лѣса, долины...

Летишь мечтой къ отчизнѣ дальней,

И на душѣ свѣтлѣй, теплѣй...

И какъ, дѣйствительно, свѣтло и радостно на душѣ, когда вспоминаешь всѣхъ тѣхъ, кто среди житейской

суеты сдумѣлъ начертать въ нашемъ сердцѣ свой нравственный образъ и внѣдрить любовь и уваженіе къ себѣ въ немъ. Вотъ одно изъ подобныхъ воспоминаній. „Свѣтлая заутреня. Ночь темная-темная и тихая-тихая, теплая, полная таинственности и глубокаго смысла—отдается воспоминаніямъ дѣтства одна счастливая душа, пламенѣющая любовью къ своему умершему отцу—священнику. Я глазъ не могу оторвать отъ отца, такимъ онъ мнѣ кажется необыкновеннымъ при этой обстановкѣ. Это ясное, радостное выраженіе, сіяніе какое то отъ лица и одежды, этотъ трехсвѣчникъ съ цвѣтами въ рукахъ и это торжественное, проникновенное „Хрістось Воскресе“ — какъ живо, какъ сильно все воспринимается

душой ребенка! Не въ этихъ-ли впечатлѣннѣхъ дѣтства и загорается искрення горячая вѣра, которую не въ силахъ бываетъ побѣдить потомъ весь скептицизмъ холоднаго ума, вся горечь жизни?.. Отецъ мой былъ тогда уже старичекъ слабый и болѣзненный“. Скоро его не стало. Но и послѣ его кончины, по замѣчанію автора только что приведеннаго отрывка, у него осталось неизгладимое впечатлѣніе отъ образа смиреннаго служителя алтаря— отъ этого живого воплощенія завидныхъ семейныхъ добродѣтелей. „Мнѣ все, продолжаетъ онъ, въ немъ нравилось и доброе лицо, и сѣрые глаза, волнистые русые волосы, неуспѣвшіе еще посѣдѣть, и бѣлая большая борода, даже его суконная ряса, что онъ надѣвалъ въ праздники... Для меня не было выше наслажденія, какъ бѣжать встрѣчать его идущаго изъ церкви. И этотъ запахъ ладана, которымъ были пропитаны его волосы, одежда, казалось мнѣ, говорилъ, что онъ лучше, выше всѣхъ, а такъ какъ онъ и принимаетъ Св. Тайны каждую обѣдню, когда мы только разъ—два въ годъ, то и святѣе всѣхъ... Я цѣловала его руки, глаза, волосы. Онъ благословлялъ меня, цѣловалъ, давалъ просфору, бралъ за руку—и такъ мы шли домой“... Что можетъ быть выше, чище этой дѣтской любви?! Что можетъ быть выше нравственнаго авторитета отца или матери, которые, при добромъ, сердечномъ отношеніи къ дѣтямъ, ни разу не подорвали его ни въ отношеніи къ другимъ, ни въ отношеніи къ себѣ?! А вотъ дѣтская благодарность материнской строго-христіанской попечительности одного русскаго человѣка: „благодарю тебя, дорогая мать моя! Благодарю тебя! Я вѣчно останусь твоимъ должникомъ! Когда я замѣчалъ твой взоръ, твой тѣлодвиженія, твои страданія, твою

благословляющую руку, твою тихую постоянную молитву; тогда, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, каждый разъ какъ бы вновь возраждалась во мнѣ жизнь духа,—чувство благочестія... Еще живетъ во мнѣ эта жизнь духа, хотя протекло уже болѣе сорока лѣтъ, какъ ты оставила временную жизнь“¹⁾. Мы говоримъ объ обыкновенной, возможной еще и въ наше время, дѣйствительности изъ области взаимоотношенія дѣтей и родителей, когда дѣти съ любовью до глубокой старости оберегаютъ въ своемъ сердцѣ достойный нравственный образъ своихъ родителей. Понятно, что чѣмъ чище, выше христіанская настроенность сердца, тѣмъ выше и авторитетъ родителей. Припомните великихъ свѣтилъ Церкви Василия великаго, Григорія Богослова, блаженнаго Августина и съ другой стороны—благочестивыхъ матерей Нонну, Анеусу, Монику. Какъ были высокъ авторитетъ этихъ женъ, бдительно оберегавшихъ своихъ дѣтей отъ развращенія, отъ вліянія дурной среды, отъ ниспроверженія божескихъ и человѣческихъ авторитетовъ!

И однако какъ неосмотрительно разбивается вѣра въ авторитетъ и уваженіе къ нему въ наши дни! Какъ часто вливается въ сердца дѣтей ядъ недо-вѣрія къ другимъ, незамѣтно, вмѣстѣ съ этимъ, и къ себѣ самимъ! Какъ подрывается любовь, и уваженіе къ общественнымъ дѣятелямъ, къ религіи отцовъ и ко всему святому и священному!

Въ знаменитомъ романѣ Достоевскаго „Братя Карамазовы“ старецъ Зосима на вопросъ: что есть адъ?—отвѣчаетъ: „страданіе о томъ, что любить болѣе нельзя“. Этотъ-то страш-

¹⁾ Евсевій, „О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія“.

ний адь, эту-то самозамкнутую холодность души и прививают дѣтямъ какъ ихъ родители, такъ и воспитатели въ тѣхъ случаяхъ, когда вытравливаютъ въ нихъ зачатки безхитроюстной любви къ окружающимъ и выше ихъ стоящимъ по возрасту и общественному положенію. Такъ въ душахъ дѣтей, въ пору самага ихъ расцвѣта, возникаетъ адь страданія отъ того, что они разучаются довѣряться и любить ближнихъ и близкихъ... Вотъ гибельный плодъ современной „просвѣтительной“ работы надъ дѣтями. И развѣ это не адь, въ самомъ дѣлѣ, что, на примѣръ, пятнадцатилѣтній мальчикъ внезапно совершаетъ двоякое преступленіе: поджогъ дома и кражу изъ него во время переполюха имущества погорѣльцевъ¹⁾. И этотъ юный преступникъ не только не обнаружилъ ни малѣйшаго раскаянія, а, напротивъ, хладнокровно заявилъ, что и въ теченіе своей дальнѣйшей жизни онъ будетъ держаться той же программы, и будетъ жечь и грабить имущество богачей, потому, яко-бы, что имущество и деньги ихъ принадлежать не имъ, а народу. Все это исповѣдовалось имъ громко и вполне сознательно, не смотря на горе и отчаяніе внимавшихъ ему родителей! А что сказать о такомъ, на примѣръ, печальномъ случаѣ дѣтской деморализаціи, о которомъ сообщаетъ намъ Варшавскій курьеръ?! Одна изъ варшавскихъ дамъ, жена извѣстнаго въ городѣ комерсанта, подняла на улицѣ избитаго мальчика, разносчика газетъ и, тронутая его бѣдственнымъ положеніемъ, по совѣту врача, взяла его на дачу для излѣченія. Мальчикъ тамъ

1) Съ этимъ типомъ знакомить насъ одинъ провинціальный корреспондентъ „Новаго Времени“, описывающій событіе въ знакомой ему семьѣ, въ одной изъ центральныхъ губерній.

отъ нечего дѣлать помогаль садовнику, но, выздоровѣвши окончательно, укралъ у садовника рубль и напился пьянъ. Когда дама-благотворительница начала ему дѣлать выговоръ, мальчикъ схватилъ двухстволку, стоящую въ комнатѣ, и произвелъ въ свою благодѣтельницу два выстрѣла. Благодаря тому, что ружье случайно было заряжено холостыми зарядами для пуганія садовыхъ воровъ, дама отдѣлалась только испугомъ. Мальчика отправили, но онъ чрезъ нѣсколько дней явился къ своей благодѣтельницѣ вмѣстѣ съ „партийнымъ“ судомъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ членовъ. Судъ засѣдалъ на дачѣ 12 часовъ, допрашивалъ свидѣтелей, требовалъ выпивки и закуски, послѣ чего изрекъ: мальчику означенная дама должна уплатить за каждый мѣсяць его пребыванія у ней по 5 рублей, затѣмъ дать еще за три мѣсяца впередъ, такъ какъ дама взяла его съ мѣста и кромѣ всего дать тому же мальчику нѣсколько рублей на дорогу... Скажите, въ чемъ причина такого неслыханнаго дерзкаго отношенія несчастнаго мальчика, какъ не въ томъ, что онъ очень рано разучился жалѣть чужую, даже благодѣющую ему, личность... И причина такой рѣзкой и тлетворной деморализаціи лежитъ въ насъ самихъ. Это мы вытравливаемъ изъ сознанія дѣтей уваженіе къ окружающимъ насъ и ихъ собственности, это мы толкаемъ ихъ на путь пороковъ и преступленій, заставляя пренебрежительно относиться къ окружающимъ насъ и служить какой-то неопредѣленной собирательной единицѣ—общему благу, это мы вселяемъ въ душу ихъ адь, когда не воспитываемъ любви и уваженія къ отдѣльнымъ личностямъ... А дѣти, не научившіяся въ раннюю пору ихъ жизни уважать окружающихъ ихъ лицъ и въ то-же время

чувствующія инстинктивно потребность уважать хотя что нибудь, разбиваютъ счастье отдѣльныхъ лицъ, дабы служить превратно понимаемому общему благу. Современные родители и воспитатели слишкомъ часто забываютъ, какую великую отвѣтственность они несутъ и передъ обществомъ и передъ родиной за то ложное гибельное направление, какое они даютъ своимъ дѣтямъ путемъ вреднаго потворства и той вредной и всегда ложной фамиллярности, которая вводится въ семейныя отношенія.

Власть всегда должна остаться властью, какъ въ государствѣ, такъ и въ семьѣ, и призывъ къ уваженію авторитета—авторитета родителей, воспитателей, школы, людей выдѣляющихся изъ общей среды по своему общественному положенію—такой призывъ—за-

логъ общественнаго благополучія и наилучшее огражденіе отъ разнузданности.

И къ воспитанію въ дѣтяхъ уваженія къ авторитетамъ зоветъ всѣхъ насъ и справедливость, и законъ Божескій и человѣческой...

Горе намъ всѣмъ, если чрезъ насъ „грѣхъ въ міръ входитъ“... А мы видимъ, какъ въ нашихъ дѣтяхъ колеблется довѣріе и уваженіе къ намъ, какъ ими оскорбляется все святое и священное и, не смотря на это, всегда мало, очень мало думаемъ о томъ, что всѣ эти „досажденія“ нашихъ дѣтей есть порожденіе нашихъ же собственныхъ сѣмянъ, которыя безсознательно, а иногда, къ прискорбію, и сознательно засѣваются въ душу дѣтей школой, наставниками, а нерѣдко и самими родителями...

Д. Введенскій.

СВѢТЛАЯ ЮНОСТЬ—ОТРАДНАЯ СТАРОСТЬ.

(Продолженіе).

Наступила зима, первая для меня зима въ Москвѣ, успокоила улицы, покрыла бѣлымъ саваномъ неприглядный дворъ и мѣсто моихъ воспоминаній и слезъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ покрыла и мое дѣтское горе. И какъ изъ зерна, лежашаго подъ глубокимъ снѣжнымъ покровомъ, весной произрастаетъ пышный колосъ, такъ изъ моей скорби и слезъ произросла негибнущая радость.

Квартира отца моего о четырехъ маленькихъ комнатахъ, кромѣ 12 человѣкъ семьи, днемъ вмѣщала въ себѣ 5 или 6 учениковъ изъ купеческаго, крестьянскаго сословія,—русскихъ и даже нѣмецкихъ подданныхъ (помню фамилію Лунгардтъ). Это былъ живой

муравейникъ, въ которомъ все было занято или физическимъ, или умственнымъ трудомъ. Я не отставалъ отъ другихъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шелъ впереди своихъ новыхъ товарищей: сталъ изучать латинскую грамоту. Два моихъ брата учились въ Московской семинаріи. Глубокою ночью кончали они свои занятія и возбуждали во мнѣ желаніе подражать имъ. Старшій братъ Федоръ, мой крестный отецъ, знакомилъ меня съ житіями святыхъ, изъ которыхъ первымъ было мною прочитано житіе мученицъ: Вѣры, Надежды, Любви и матери ихъ Софіи; знакомилъ также съ біографіями и подвигами великихъ русскихъ людей: Петра Великаго, Кутузова. Чи-

таль я, по его указанію, христоматию Филонова, завелъ особую тетрадь, въ которую тщательно переписывалъ тѣ стихотворенія, которыя мнѣ очень нравились. Наступалъ торжественный вечеръ субботы. По всей Москвѣ „разлитъ морозъ трескучій въ воздухъ ночью,“ а въ рѣдкій колокольный звонъ возвѣщаетъ о началѣ христіанскаго отдыха во славу Божію. Братъ беретъ меня съ собою ко всенощной и ставитъ на клиросъ. Небольшая старинная церковь, освѣщенная во время звона только лампадами предъ святыми иконами, украшенными блестящими окладами, жемчугомъ и цвѣтными камнями, полна какой-то таинственности. Наступало время богослуженія, зажигались многочисленныя свѣчи, налѣпки, малое паникадило: отъ множества огней вся церковь обращалась въ свѣтлый чертогъ. Торжественное Богослуженіе, златотканная одежда, могучею волною разливающееся церковное пѣніе псаломщика и любителей изъ прихожанъ наполняли дѣтскую душу то волнами священнаго восторга, то тихими струями благодатнаго мира и отрады. Я возлюбилъ благолѣпіе дома Божія, полюбилъ его Богослуженіе...

Обладая чуткимъ слухомъ, я быстро усвоилъ гласы и всевозможныя напѣвы; отличаясь живою памятью, усвоилъ множество стихирь, тропарей, ирмосовъ и богородичныхъ пѣсней; подготовленный домашнимъ воспитаніемъ къ чтенію церковно-славянскихъ книгъ, я постепенно прилагалъ свои знанія къ дѣлу и находилъ въ томъ великое утѣшеніе. Я началъ чтеніе въ церкви съ вечерней молитвы: *Сподоби Господи въ вечеръ сей безъ грѣха сохранитися намъ* и перваго часа въ томъ объемѣ, въ какомъ читается онъ въ московскихъ церквахъ. Затѣмъ слѣдовало чте-

ніе шестопсалмія, часовъ, псалмовъ и молитвъ вечерни и повечерія, молитвъ предъ причащеніемъ. Въ болѣе позднее время юности сталъ читать каноны и и акаѣисты, апостоль и пареміи, переживая особенную радость при чтеніи паремій на литургіи въ Великую Субботу.

Изъ всѣхъ церковныхъ пѣснопѣній болѣе всего услаждали меня погребальныя пѣсни. Въ нихъ, кромѣ напѣва, меня поражали величественные образы, сознаніе немощности человѣческой природы, скорбь о быстромъ увяданіи земной жизни и свѣтлая надежда на вѣчную радость въ райскихъ обителяхъ. Особенно утѣшительный смыслъ этихъ священныхъ пѣсней раскрылся для меня тогда, когда я пѣлъ ихъ надъ гробомъ своего брата и крестнаго отца, который поставилъ меня на клиросъ церковный и тѣмъ открылъ мнѣ дверь въ міръ чудныхъ церковныхъ звуковъ, отражавшихъ въ себѣ еще болѣе чудное содержаніе священныхъ молитвословій. Способный и добрый юноша успѣшно оканчивалъ курсъ въ Московской семинаріи. Но скоротечная чахотка въ три мѣсяца сразила молодой организмъ. Я скорбѣлъ надъ прахомъ умершаго брата, но молитвы и пѣснопѣнія церковныя утѣшали мою скорбь. Подъ ихъ воздѣйствіемъ я своимъ дѣтскимъ сердцемъ вѣровалъ, что добрый юноша, никогда не покидавшій книги, привѣтливый къ товарищамъ и къ семейнымъ, трижды во время болѣзни напутствованный св. Тайнами, скончався *вмалѣ, исполнилъ та долга: угодна бо бѣ Господеву душа его* (Прем. Сол. 4, 13—14).

Послѣ смерти брата я всталъ на клиросъ подъ непосредственное руководство псаломщика Стефана Ивановича Вознесенскаго и трапезника Пет-

ра Алексѣевича Розанова. Добрые люди не угасили во мнѣ того огня любви къ церковному богослуженію, который мудрой и любящей рукой возжегъ въ моемъ сердцѣ крестный отецъ. Мало сего, они воспламенили во мнѣ этотъ огонь. Кромѣ чтенія и пѣнія великую радость доставляло мнѣ прислуживаніе въ церкви и алтарѣ. Я любилъ выносить свѣчи, подавать кадило и просфоры, готовить теплоту. Лазилъ я и на колокольную, научился подъ аккомпаниментъ большого колокола, въ который обычно зовнилъ со мною мой племянникъ С. А. Х., трезвонить во всѣ кампаны, извлекая гармонию звуковъ изъ бездушнаго металла. Такъ какъ въ воскресенье и праздничные дни обязанности пономарей несли бывшіе старше меня гимназисты, сыновья одного почтеннаго прихожанина, для которыхъ староста сшилъ бѣлые газетовые стихарики, то я въ будніе дни поднимался съ постели въ 5 часовъ утра и шелъ къ утрени и литургіи, пѣлъ, читалъ и пономарилъ одинъ; приходя домой изъ церкви въ половинѣ девятаго часа довольнымъ и счастливымъ, я приступалъ къ обычнымъ своимъ занятіямъ. Шло время... выросли гимназисты и блестящіе стихарики въ праздничные дни стали украшать плечи мои и моихъ племянниковъ.

Скоро моя дѣятельность, какъ чтеца и пѣвца, уже не ограничивалась однимъ храмомъ. Съ разрѣшенія отца, псаломщикъ сталъ брать меня съ собою въ приходъ въ тѣ квартиры, гдѣ совершались заказныя всенощныя бдѣнія и панихиды по умершимъ. Мой серебристый голосъ сопрано вмѣстѣ съ теноромъ псаломщика и басомъ трапезника смѣло звучалъ и въ свѣтлыхъ палатахъ богачей, украшенныхъ мраморными лѣстницами и колонна-

ми, и въ темныхъ и тѣсныхъ квартирахъ бѣдняковъ. Картина смерти была одна и таже, лежалъ ли умершій въ серебряномъ гробу среди аллеи тропическихъ растений, покрытый златотканымъ дорогимъ покровомъ, или въ желтомъ крашеномъ гробу, покрытомъ убогою одеждою изъ нашей церкви. Тамъ и здѣсь было одинаковое горе окружающихъ. Одинаково утѣшительно для нихъ, казалось мнѣ, лились изъ дѣтскихъ устъ моихъ чудныя слова церковныхъ пѣсней: *Древле убо отъ несущихъ создавый мя, и образомъ Твоимъ божественнымъ почтый, преступленіемъ же заповѣди, пакы мя возвративый въ землю, отъ нея же взять быхъ, на еже по подобію возведи...*

Мнѣ казалось, повторяю, что гармоничные звуки церковныхъ пѣсней всѣмъ предстоящимъ: *плачущимъ, болѣзнуюющимъ, чающимъ Христова утѣшенія*, несли желанную отраду. Казалось мнѣ это потому, вопервыхъ, что такъ говорило мнѣ мое сердце; во вторыхъ, потому, что вездѣ родственники почившаго встрѣчали и провожали меня привѣтомъ и ласкою, дарили мнѣ деньги и подарки. Я помню: въ одномъ богатомъ домѣ, когда я поднимался въ залъ на послѣднюю панихиду по мягкому ковру лѣстницы возлѣ украшенныхъ бархатомъ и золотомъ перилъ, меня встрѣтила высокая дама въ глубокомъ траурѣ съ длиннымъ шлейфомъ и привѣтливо сказала мнѣ: „спасибо тебѣ, милый мальчикъ, за твое пріятное пѣніе. Возми себѣ вотъ это на гостинцы.“ При этомъ дама положила въ кармашекъ моего пальто пакетъ. Когда я пришелъ домой и вскрылъ пакетъ, то въ немъ оказался новенькій красиваго рисунка рублевый кредитный билетъ. Я радовался, что неожиданно получилъ столь большую награду и,

по обычаю, отдалъ ее своей матушкѣ.

Въ другой разъ въ скромной квартирѣ одного торговца мнѣ за мои труды подарили замшевыя рукавички. Эта награда была для меня дороже первой. Дѣло въ томъ, что въ годы моего дѣтства въ Москвѣ были очень холодныя зимы, и когда я сталъ ходить въ школу въ Андроніевъ монастырь, то мои руки сильно страдали отъ холода: чрезъ простыя, вязаныя варежки, которыя изготовляли для меня сестры, проникалъ морозъ. Пряталъ я руки въ карманы, ничего не помогало. Руки ныли отъ боли. Подаренныя мнѣ рукавички, мягкія внутри, сверху покрытыя красивой замшей, вполне защищали руки отъ холода: имъ было тепло... И я мысленно благодарилъ добраго торговца за то, что онъ, какъ бы зная мою нужду, сдѣлалъ мнѣ такой дорогой для меня подарокъ.

Въ воскресные и праздничные дни послѣ каждой службы меня подзывалъ къ свѣчному ящику церковный староста, гладилъ меня по гладко-обстриженной головѣ, ласково бесѣдовалъ со мною и дарилъ мнѣ серебряную монету.

Въ одну купеческую семью меня часто приглашали послѣ обѣдни пить чай. Я не отказывался. Пять братьевъ-хозяевъ, приказчики и мальчики любили меня и я былъ у нихъ, какъ дома. Однажды послѣ литургіи въ день Рождества Хридова, хотя было еще темно, меня пригласили въ знакомую семью. Здѣсь меня заставили „славить Христа.“ Ставъ въ передній уголь предъ сіяющими отъ свѣта лампадъ иконами, я громко пропѣлъ тропарь и кондакъ праздника, а затѣмъ произнесъ поочередно многолѣтія едва не всѣмъ членамъ семьи, заключая

каждое многолѣтіе торжественнымъ пѣніемъ: „многая лѣта.“ Радости присутствовавшихъ при семь, казалось, не было конца... И я былъ неслучайно радъ тому, что я, маленький мальчикъ, былъ виновникомъ этой радости цѣлой семьи. Всѣ на перерывъ старались обласкать меня и давали мнѣ новенькія серебряныя монеты, которыхъ я принесъ своей матушкѣ болѣе рубля. Мало сего, хозяйка дома подарила мнѣ розоваго ситцу на рубашку и, провожая, надѣла на меня мѣховую шубу вмѣсто моего, обычно носимаго зимою, ваточнаго пальто. Такъ на мнѣ, юномъ, исполнились слова Христа: *ищите же прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Матѣ. 6, 33).

Съ любовію посѣщая храмъ и приходъ для служенія Господу и утѣшенія людямъ, я, сверхъ того, принималъ участіе въ паломничествахъ моихъ родныхъ и близкихъ. Особенно памятны мнѣ путешествія по святымъ мѣстамъ вмѣстѣ съ моею набожною матерью. Съ нею я посѣщалъ часовню Спасителя у Москворѣцкаго моста, всѣ часовни на Никольской улицѣ, Казанскій соборъ, часовню Иверской Божіей Матери, часовни внѣ и внутри Кремля, церковь Василия Блаженнаго, особенно же кремлевскіе соборы, вмѣщавшіе въ себѣ множество дорогихъ русскому сердцу святыхъ и мощей, поражавшіе меня своимъ таинственнымъ полумракомъ и оригинальными изображеніями на столбахъ и стѣнахъ. Однажды, помолившись въ часовняхъ и соборахъ, мы съ матушкой пришли въ Архангельскій соборъ. Было очень тѣсно возлѣ ковчеговъ съ мощами. Когда мы приложились къ нимъ и стали направляться къ выходу, то оказалось, что изъ рукъ матери исчезла моя барашковая шапка.

Мать искала ее на полу собора, спрашивала у тѣснившихся богомольцевъ все было напрасно. Шапка пропала безслѣдно. Тогда матушка, выйдя на паперть собора, покрыла мою голову шарфомъ, а поверхъ него чернымъ платкомъ, и двинулась со мною въ обратный путь. Я бодро шелъ съ нею по оживленнымъ улицамъ Москвы, обращая на себя вниманіе проходящихъ, но ни сколько не смущаясь непривычнымъ для меня головнымъ уборомъ.

Лѣтомъ Москва жила религіозною жизнію еще болѣе, чѣмъ зимою. Съ мая мѣсяца до сентября рѣдко проходила недѣля, чтобы не было на ней дня, празднуемаго или опредѣленнымъ райономъ Москвы, или всею первопрестольной столицей. Кромѣ праздниковъ: Вознесенія, Троицына и Духова дня, Преображенія и Успенія, Иоанна Богослова и Николая Чудотворца, на это время падаютъ дни торжествъ въ память Московскихъ святителей: Алексія (20 мая), Іоны (15 іюня), Филиппа (3 іюля), Петра (24 августа). Преподобнаго Сергія (5 іюля), явленія иконъ Богоматери Владимірской, Боголюбской, Тихвинской, Казанской, Смоленской, Донской; рожества Предтечи, усѣкновенія и обрѣтенія главы его, дни памяти Ап. Петра и Павла, св. Владиміра, пророка Іліи, Маріи Магдалины; происхожденія древъ креста Господня, перенесенія Нерукотвореннаго Образа, день коронаціи (Импер. Александра II 26-го Авг.), Александра Невскаго и др.

Играешь, бывало, послѣ занятій съ своими племянниками и товарищами на такъ называемомъ маленькомъ дворикѣ возлѣ церковной ограды. Солнце уже склоняется къ западу. Вдругъ раздается нѣжный тенористый звонъ колокола церкви св. Николая, что на Болвановкѣ, за нимъ рѣзкій баритонъ

церкви Спаса, въ Чигасахъ; вотъ на перебой звучать теноръ и басъ на колокольняхъ рядомъ стоящихъ церквей Космы и Даміана (Стараго и Новаго); вотъ пріятный баритонъ колокола нашей церкви; наконецъ во всѣ эти звуки вливается голосъ basso profundo съ колокольни церкви Воскресенія, въ Гончарахъ. Вотъ загудѣло Замоскворѣчье. Ему вторить, разливая внизъ до рѣкъ свои торжественные звуки, златоглавый Кремль. Москва торжественно шла на вечернюю молитву. Да! Это какъ бы безбрежное море разнообразныхъ, величественныхъ, красивыхъ и одинаково пріятныхъ звуковъ могло будить отъ усыпленія даже самое жѣсткое сердце. Москва моего дѣтства менѣе оглашалась рѣзкими звуками гудковъ и свистковъ различныхъ заводовъ, менѣе дышала тою фабричною копотью, которые царятъ въ ней въ настоящее время: она услаждалась болѣе гармоніей колокольныхъ звуковъ и ароматомъ молитвъ и гимновъ, которые возносились съ семи холмовъ ея къ яснымъ небесамъ.

Нѣтъ нужды говорить, какъ радовалось мое дѣтское сердце отъ предстоявшаго неожиданнаго торжества (То было навечеріе дня побѣды подъ Полтавой). Я быстро переодѣвался и спѣшилъ ко всеобщей, становился на клиросъ и услаждался звуками побѣдныхъ церковныхъ пѣснопѣній еще болѣе, чѣмъ звономъ колоколовъ.

Во многіе изъ указанныхъ дней въ Москвѣ, какъ извѣстно, совершаются крестные ходы. Одинъ изъ нихъ особенно памятенъ мнѣ. Въ праздникъ Срѣтенія иконы Владимірской Божіей Матери псаломщикъ взялъ меня съ собою въ крестный ходъ, который направлялся изъ Кремля въ Срѣтенскій монастырь. Я въ первый разъ увидѣлъ передъ собою цѣлые ряды несущ-

щихся по воздуху блестящих хоругвей; большая часть ихъ была кованнаго металла, но много было хоругвей бархатныхъ и шитыхъ золотомъ. За хоругвями несли чудотворныя иконы и предъ ними со множествомъ свѣчей огромный фонарь. За святынями стройною колонною шли въ золотыхъ парчевыхъ стихаряхъ псаломщики; почти на краю этой колонны шелъ и я. Крестный ходъ представлялъ собою какъ бы медленно, спокойно текущій золотой потокъ, берега котораго состояли изъ обнаженныхъ человѣческихъ головъ. Что привлекло сюда въ ранній часъ эти массы народа, изъ котораго многіе жертвовали своимъ утреннимъ покоемъ, куплею и продажею, вообще всею суетою мірской жизни? Несомнѣнно глубокое религиозное чувство; желаніе видѣть блестящій сонмъ архипастырей, архимандритовъ, іереевъ и діаконовъ, освѣжить въ памяти тяжелыя судьбы нашей многострадалной родины, воздать хвалу небесной Заступницѣ города Москвы и умолять Ее о непрестанномъ заступленіи всей Русской земли. Мощная волна звуковъ священныхъ пѣснопѣній почти непрерывно оглашала весь путь слѣдованія крестнаго хода. И казалось, что не только мои дѣтскія уста, не только уста сонма церковнослужителей, но сердце и уста всей Москвы, при торжественномъ звонѣ колоколовъ, воспѣвали молитвы, моленія, прошенія, благодаренія Пресвятой Богородицѣ: *Отверзу уста моя и наполнятся Духа и слово отрыгну Царицѣ Матери...* *Днесь свѣтло красуется славнѣйшій градъ Москва яко зарю солнечную воспріемиши, Владычице, чудотворную Твою икону...* И мнится мнѣ, что всѣ, единими усты и единымъ сердцемъ воспѣвавшіе Пречудную Дѣву Богородицу, уходили оправ-

данними въ домъ свой, неся въ душѣ своей *миръ и радость о Дусѣ Святы...* И не только въ праздничные дни, но и въ будни, не только въ центрѣ города, но и за Москву совершались мною путешествія съ религиозною цѣлію. Разумѣю посѣщенія мною загородныхъ кладбищъ. Часовъ въ десять утра подъ палящими лучами солнца отпраплялся я пѣшкомъ съ отцомъ и матерью чрезъ всю Москву на Ваганьковское кладбище, гдѣ покоились мой дѣдъ и старшій братъ. Дологъ и утомителенъ былъ путь. Какою-то безконечною улицею казалась мнѣ Поварская съ ея изваянными человѣческими фигурами между окнами и надъ окнами домовъ и полнымъ отсутствіемъ тѣни въ полуденные часы. Затѣмъ, я со страхомъ быстро пробѣгалъ впереди родителей мимо колокольни церкви Покрова Пресв. Богородицы въ Кудринѣ. Я боялся, что эта тонкая, сквозная, въ два яруса, колокольня можетъ упасть отъ порыва вѣтра на улицу и похоронить подъ собою всѣхъ возлѣ нея проходящихъ. Но вотъ и застава. Предъ нами—покрытое зеленой муравой поле... Легкій вѣтерокъ освѣжаетъ разгоряченное тѣло. Между чистенькимъ Армянскимъ кладбищемъ, окруженнымъ красивыми, только что отстроеными, кирпичными стѣнами и входомъ на Ваганьково расположились станомъ бѣлыя, какъ снѣгъ, палатки (съ самоварами), входы которыхъ, украшенные бѣлыми узорчатыми, а иногда разшитыми по кумачу драпировками, манятъ къ себѣ на отдохъ утомленнаго путника. Съ разрѣшенія отца, съ половины поля бѣжишь къ нимъ и заказываешь самоваръ, затѣмъ въ воротахъ кладбища встрѣчаешь родителей и вмѣстѣ съ ними вступаешь подъ тѣнь густыхъ аллей, осѣнявшихъ въ годы моего

дѣтства мѣсто покоя близкихъ нашему сердцу. Чистый воздухъ, невозмутимая тишина, умилительныя пѣнопѣнія на панихидѣ—все это навѣвало на душу сначала тихую грусть, а затѣмъ какую-то свѣтлую радость. Подкрѣпившись въ палаткѣ сладкимъ чаемъ и съдобною булкою (а иногда и двумя), достаточно отдохнувши среди зелени поля, бодро идешь въ обратный путь въ далекую Таганку, не испытывая прежняго страха въ Кудринѣ и не замѣчая палящихъ лучей солнца на Поварской...

Но чаще, чѣмъ на Ваганьково, я ходилъ на болѣе близкое къ Таганкѣ Калитниковское кладбище. Обычно, отецъ приходилъ отъ обѣдни и приносилъ съ собою серебряное кадило и епитрахиль. Это означало, что предстоитъ путь на кладбище. Быстро отбирались мелкіе, мягкіе уголья, приготавлилась сухая береста и спички. Все это завязывалось въ узелъ и мы отправлялись въ путь. Не долгогъ былъ онъ. Скоро проходили мы съ отцемъ и матерью Семеновскую улицу, Покровскій монастырь, десятокъ домовъ за Покровской заставой, и снова передъ нами поле, за которымъ расположено было кладбище. Сухая съ песчанымъ грунтомъ, открытая со всѣхъ сторонъ для свѣта и воздуха, пересѣкаемая въ разныхъ направленіяхъ чистенькими дорожками, блистающая ярко-зеленою травой—эта долина смерти производила свѣтлое, отрадное впечатлѣніе. Вотъ возлѣ западныхъ вратъ храма за деревянной (нынѣ желѣзной) рѣшеткой, подъ сѣнью зеленыхъ вербъ, наша родовая усыпальница. Сюда на вѣчное жилище подъ крыло храма, подъ торжественные звуки колоколовъ, доселѣ раздающихся утро и вечеръ каждаго дня, постепенно переселялись мои *сродни-*

ки, братія и сестры, а за тѣмъ и родители. На одной изъ могилъ мною и отцемъ изготовлялось кадило. Когда оно было готово, отецъ надѣвалъ епитрахиль и полагалъ начало панихидѣ. Серебристый голосъ мой, одиноко, но звонко разносился по мирному кладбищу. Кончилась великая ектенія и вмѣстѣ съ отцомъ мы начинали пѣть умилительные тропари и ирмосы канона. Торжественно-стройно неслись звуки церковныхъ пѣнопѣній о побѣдѣ надъ смертію—жизни, надъ тлѣніемъ—воскресенія. Этимъ пѣснямъ вторили голоса пернатыхъ, порхавшихъ по вѣтвямъ молодыхъ деревьевъ, и надъ старцами—отцомъ и матерью, стоявшими уже на краю могилы, и ребенкомъ-сыномъ, котораго ожидала трудовая скорбная человѣческая жизнь, сіяло вѣчно юное небо и, казалось, раскрывало свои голубыя объятія, чтобы принять вмѣстѣ съ кадилымъ ѳиміамомъ ихъ горячія молитвы о всѣхъ близкихъ и дорогихъ ихъ сердцу...

Такъ Москва, непривѣтливо встрѣтившая меня въ раннемъ дѣтствѣ, съ честію замѣнила мнѣ мою родину. Показавшаяся сначала какъ бы подобною Вавилонской печи, она имѣла свою живоносную росу. Москва не сокрыла отъ меня всего того, что было въ ней великаго, чистаго, святаго, животворнаго... Какъ чадолюбивая мать, она воспитала въ моей душѣ любовь къ тому, что всегда было для меня источникомъ утѣшенія, надежды и радости во всѣ дни моей жизни.

Правда, Москва не имѣла красоты природы моей родины. Здѣсь я не видѣлъ ни лѣсовъ, ни простора полей, ни тишины деревни, укрѣплявшихъ душу и тѣло. Наоборотъ, здѣсь много было неблагопріятнаго и на первыхъ

порахъ вреднаго для здоровья и жизни. Но шло время... Съ однимъ я скоро примирился и даже находилъ въ немъ нѣкоторую прелесть, другое можно было устранить, то перестроить, это создать. Такимъ образомъ, на небольшомъ пространствѣ московскихъ владѣній моего отца ему и его семьѣ можно было устроить нѣчто такое, что напоминало собою внѣшнюю обстановку моей родины. А видъ на Замоскворѣчье и св. Кремль сталъ замѣнять мнѣ панорамы села Каринскаго.

Наступила первая для меня весна въ Москвѣ. Просыпаешься утромъ послѣ крѣпкаго сна на полу въ небольшомъ залѣ, замѣнявшемъ на ночь (въ первое время) мнѣ и двоимъ племянникамъ спальню. Ставни на улицу еще закрыты, но слышишь, что

Проснулся утра шумъ пріятный:

Встаютъ кулець, идетъ разнощикъ,

На биржу тянется извозчикъ...

Бодрый вскакиваешь съ постели, зная, что наканунѣ братьями и отцомъ рѣшено было заняться приведеніемъ въ порядокъ двора, который, при въѣздѣ моемъ въ Москву, произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе.. Мирно протекаютъ дневныя занятія. Пришли изъ семинаріи братья.. Кончился обѣдъ. Наступило время отдыха. вмѣстѣ съ братьями и племянниками выходишь на дворъ. Рѣшается въ нѣкоторомъ отношеніи „аграрный“ вопросъ. За такъ называемымъ каретнымъ сараемъ и погребамъ, бывшими подъ одной крышей, между садами съ одной стороны и холостымъ строеніемъ сосѣдняго дома съ другой—былъ не большой клочекъ двора. Этотъ клочекъ весь засыпанъ былъ камнями, костями, пустыми стеклянками, битой посудой, разными отбросами, и обильно улилъ помоями. Очевид-

но, что раннѣйшими обитателями дома онъ обращенъ былъ въ помойную яму. Рѣшено было очистить эту долину смрада и костей, перекопать ее и развести на этомъ мѣстѣ садъ. Быстро закипѣла работа. вмѣсто тачки устроены были изъ старыхъ досокъ легкія носилки съ длинными палками и въ нѣсколько дней засоренная долина была нами очищена. Камни, черепки, стекло, мною и племянниками были перетасканы на дворъ, гдѣ лежали, нами же собранные въ кучу, извѣстные Горьковскіе кирпичи, остальное снесено было въ выгребную яму. Вскорѣ весь кирпичъ былъ проданъ на буть, дворъ очищенъ, выгребная яма—также. Для послѣдней былъ устроенъ новый срубъ съ рѣшеткой, все мѣсто, занимаемое ею, было дезинфицировано. Радостенъ былъ для насъ, дѣтей, а также и для взрослыхъ тотъ день и часъ, когда братья, въ присутствіи нашемъ, посадили на очищенномъ нами мѣстѣ три вѣтки золотого тополя. Эти вѣтки были лелѣяны нами. Мы заботливо ихъ поливали, дѣлали палочки, подвязывали къ нимъ молодыя насажденія, чтобы не раскачалъ и не вырвалъ ихъ вѣтеръ. Благодаря заботливому уходу, насаженные тополя дружно принялись, быстро поднялись, неся намъ въ даръ свою зелень и аромат. Посрединѣ сада съ такою же быстротою принялись кусты бѣлой и красной малины, а затѣмъ рядомъ съ нею и бордюромъ по краямъ двухъ усыпанныхъ пескомъ дорожекъ—цвѣты. Черноземная почва, очищенная и перекопанная, оказалась очень воспримчивою и благопріятною для растений. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нашимъ юнымъ садомъ были большіе сады, гдѣ кромѣ плодовыхъ деревьевъ росли липы и клены. Съме-

на тѣхъ и другихъ вѣтромъ переносимы были и въ нашъ садъ. И вотъ уже безъ нашихъ стараній садъ покрывается множествомъ маленькихъ кленовъ и липъ. Намъ, дѣтямъ оставалось слѣдить только, чтобы молодые деревца не нарушали гармоніи и порядка въ саду, почему мы иногда выкапывали юную лѣторосль и сажали ее въ саду на другомъ мѣстѣ; также поступали съ новыми побѣгами малины. Результатомъ нашего новаго, уже легкаго труда, было то, что по краямъ сада, образовалась чудная аллея изъ липъ и кленовъ, веселя глазъ, очищая воздухъ и защищая насъ отъ палящихъ лучей солнца.—Такъ въ свободные отъ занятій часы трудами юношей и дѣтей возникъ юный садикъ; тамъ, гдѣ былъ ранѣе смрадь, разносилось благоуханіе тополя, липы, малины и цвѣтовъ; тамъ, гдѣ были сухіе кости и безплодный камень, явилась молодая жизнь... Нерѣдко пѣвуныи птички, а болѣе всего разноцвѣтныя бабочки, шмели и стрекозы летали и порхали по вѣтвямъ и цвѣтамъ, добывая себѣ пищу. Скоро и дворъ весь, свободный отъ кирпичей и разнаго мусора, покрылся густою травой, превратился въ садъ. Возлѣ оконъ дома, выходящихъ на дворъ, были разбиты клумбы и засажены цвѣтами. Съ теченіемъ времени и покосившійся отъ старости домъ былъ поднятъ, переклеенъ и окрашенъ внутри и снаружи. Убогія ворота и калитки были замѣнены новыми. Обновленный домъ отца сталъ напоминать, если смотрѣть со двора, одинъ изъ барскихъ домовъ моей родины (въ деревнѣ Аниковѣ) и въ немъ закипѣла новая жизнь.

Часть весны и все лѣто эта жизнь была ключемъ въ миломъ садикѣ. Утромъ и вечеромъ за длиннымъ сто-

ломъ, устроеннымъ подъ сѣнью тополей, происходили чаепитія всей семьи. Здѣсь, за чайнымъ столомъ, мною, уже юношей, читались вслухъ для всей семьи лучшія произведенія Островскаго, Тургенева, Достоевскаго и др., читались газеты (Современныя Извѣстія), которыя возбуждали жаркія бесѣды. Это было время когда мощный и великодушный Русскій народъ двинулся на освобожденіе своихъ братьевъ-Славянъ, цѣлые вѣка влачившихъ рабскую жизнь подъ игомъ варваровъ... Въ это-то время въ нашей семьѣ и старъ и младъ буквально изучали и горячо обсуждали всѣ сообщенія, шедшія съ театра военныхъ дѣйствій. Почти у каждаго члена нашей семьи былъ свой любимый герой на войнѣ: у одного—Гурко, у другого—Скобелевъ, у третьяго—Тотлебенъ.

Долѣ другихъ оставался въ саду я. Скоро послѣ заката солнца засыпала вся Таганка. Водворялась полная тишина. Я садился на скамейку посрединѣ сада подъ молодыми липами. Звѣзды искрились надъ моею головою, луна ласково—тайнственно смотрѣла въ потемнѣвшій садъ, который несъ мнѣ свои дары: свѣжесть и аромат. Тогда сердце мое наполнялось чувствомъ горячаго благодаренія Премудрому и Милосердому Творцу и я вмѣстѣ съ Псалмопѣвцемъ восклицалъ Ему: *На всякомъ мѣстѣ владычества Его благослови душе моя Господа!*

На Спасской башнѣ било 11 часовъ... Звонъ этотъ, разносясь внизъ по рѣкѣ, замиралъ въ тишинѣ... Я уходилъ ко сну въ комнату, которая окномъ обращена была на цвѣтущую клумбу. Но иногда въ жаркой постелѣ „спалося-не спалося,“ думы волновали молодую грудь... грусть закрадывалась въ сердце. Тогда я вставалъ, открывалъ

окно. Въ душѣ моей проносились
умиротворяющія слова поэта:

Отвори въ садъ окно... ароматомъ цвѣтовъ
Грудь твою молодая напыется,
И скорбящей душѣ отъ весеннихъ даровъ
Радость жизни былая вернется.
Хоръ небесныхъ свѣтилъ, краска юной весны
Въ мигъ изгонять отъ сердца невзгоды,
И навѣютъ душѣ свѣтлой юности сны...

Когда глазъ просилъ простора, а
грудь—большаго движенія воздуха, я
уходилъ на такъ называемый мона-
стырь ¹⁾ церкви Спаса, что въ Чига-
сахъ, стоящей на горѣ надъ рѣкою,
и отсюда смотрѣлъ вдаль на западъ.
Передо мною на равнинѣ лежало тихо
Замоскворѣчье съ его церквами и тѣ-
нистыми садами, направо извивалась
Москва-рѣка, менѣе загроможденная
барками и лѣсомъ, чѣмъ лѣвая отъ
Чигаскаго монастыря часть ея. За
Москворѣцкимъ мостомъ, полнымъ по-
стояннаго движенія черныхъ точекъ,
блисталъ ярко горѣвшій на солнцѣ
бѣлокаменный златоглавый Кремль;
рядомъ съ нимъ поражалъ своей затѣ-
ливой архитектурой и пестротою кра-
сокъ Покровскій соборъ. ²⁾ Отъ рѣки
къ мѣсту, гдѣ я сидѣлъ, тянулъ лег-
кій вѣтерокъ, который вѣялъ на меня
прохладой, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ
бы приносилъ мнѣ благословенный
привѣтъ отъ кремлевскихъ святыхъ.

¹⁾ Мѣсто за оградой возлѣ церкви, покрытое
травой, а иногда засаженое деревьями и цвѣ-
тами.

²⁾ Въ настоящее время видъ отъ Спасо-Чи-
гаскаго монастыря на Замоскворѣчье и Кремль
почти совсѣмъ закрытъ выросшими возлѣ оз-
наченной церкви огромными домами.

Я любовался Кремлемъ днемъ и ве-
черомъ, любовался имъ и ночью. Бы-
ла блестящая коронація царя миро-
творца Александра III. Нѣсколько но-
чей сподрядъ весь Кремль былъ рос-
кошно иллюминированъ. Особенно ярко
блистали въ полночной тьмѣ: освѣ-
щенная электрическими лампочками
Ивановская колокольня, кремлевскія
башни, стѣны и Покровскій соборъ. Изъ
Кремля же, какъ изъ центра, освѣ-
щало всю Москву въ разныхъ направ-
леніяхъ нѣсколько электрическихъ
солнцъ. Съ другомъ своимъ я каж-
дую ночь близъ паперти Чигаскаго
храма спокойно созерцалъ чудную
картину, художественно начертанную
блестящимъ огнемъ. На меня, какъ и
на всѣхъ бывшихъ во время корона-
ціи въ Москвѣ, она произвела чарую-
щее впечатлѣніе, такъ что тогда же мое
юношеское перо посвятило ей нѣсколь-
ко строфъ. Я писалъ своему другу:

Предъ нами съ тобою чудесъ панорама:
Весь Кремль, Руси сердце,—въ волшебномъ
огнѣ,

А въ немъ колокольня Иванова храма
Сіяла подобно парицѣ—красѣ.

И эту парицу блистающимъ хоромъ
Встрѣчали, какъ образы свѣтлой мечты,
Тамъ башни, здѣсь замки съ стариннымъ
соборомъ,

Порой долетали къ намъ клики толпы,
На мягкой травѣ близъ рѣки мы сидѣли
Вдали поворамы, покрытые мглой,
Съ крутаго холма мѣръ чудесный смотрѣли,
Любуясь его фантастичной красой.

Оттуда на холмъ нашъ своими лучами
Волшебное солнце сіяло не разъ...

Ему на привѣтъ мы съ тобой отвѣчали
Блестящими искрами радостныхъ глазъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Д. М.—нъ.

Изъ учительскихъ дневниковъ.

На школьномъ питательномъ пунктѣ.

(Окончаніе).

Побѣда была на нашей сторонѣ. Богъ явно помогаль намъ. И вотъ при такомъ то положеніи дѣла получаю изъ Уѣзднаго Отдѣленія бумагу съ приглашеніемъ явиться въ Земскую Управу для обсужденія вопроса объ открытіи школьныхъ столовыхъ. Что можетъ быть своевременнѣе подобнаго извѣщенія? Ёду въ Михайловъ, являюсь на собраніе. Оказывается, Земская Управа имѣетъ въ своемъ распоряженіи 7000 р. денегъ на предметъ открытія школьныхъ столовыхъ. Слѣдовательно, предстояло и мнѣ получить нѣкоторую сумму на свою школу. На дѣлѣ такъ и вышло. Деньги дѣлились по числу школьниковъ всего уѣзда и мнѣ пришлось на долю 126 р. Что можетъ быть лучше этого!.. Комитетъ нашъ располагаль уже значительными суммами, а тутъ еще прислано пожертвованій на 50 р.¹⁾

¹⁾ Считаю своимъ долгомъ подлинно указать фамиліи жертвователей и самыя пожертвованія. Въ № 49 „Божіей Нивы“ было указано, что поступило пожертвованій 100 р.

А послѣ этого по 1-е Юля 1906 г. поступило:

- 1) Отъ С. Иванова 4 р.
- 2) Отъ А. Шебалина 2 р.
- 3) Отъ Михайловской Земской Управы 126 р.
- 4) Черезъ С. Иванова отъ служащихъ Влк. ж. д. 25 р.
- 5) Отъ А. Полковникова 3 р.
- 6) Отъ Свящ. С. Соколова 3 р.
- 7) Отъ Д. Кондратенко 1 р.
- 8) Отъ учащихся и учащихся Старо-русской второклассной ц.п. школы 27 р.
- 9) Отъ Учащихся Зачуговскаго народнаго училища 1 р. 70 к.
- 10) Отъ И. В. Малофѣева 3 р.

Добрые люди не только сами лично, узнавъ изъ газетъ о голодовкѣ въ

- 11) Отъ Свящ. Ев. Панкратьева 5 р.
- 12) Отъ М. Андреевой 2 р.
- 13) Отъ Н. Кошеверова 10 р.
- 14) Отъ М. В. Михайловой 10 р.
- 15) Отъ Свящ. М. Туркевича 3 р.
- 16) Отъ Свящ. Д. Розанова 7 р. 22 к.
- 17) Отъ Наталіи Шафаловичъ 2 р.
- 18) Отъ Черезъ С. Иванова 19 р.
- 19) Отъ В. Куликова 5 р.
- 20) Отъ Вѣры Бородаевской 15 р.
- 21) Отъ Совѣта Гуслицкой второклассной ш. 10 р.
- 22) Отъ Д. Н. Никитина 10 р.
- 23) Отъ К. Никитскаго 10 р.
- 24) Отъ Духовнаго Собора Кіево-Печерской Лавры 20 р.
- 25) Отъ учащихся и учащихся Хрединской второклассной школы 11 р. 20 к.
- 26) Отъ учителя и учениковъ Крестовско-Лаврской ц. п. шк. 6 р.
- 27) Черезъ Редакцію „Божіей Нивы“ 1 р. 70 к.
- 28) Отъ М. Титовой 3 р.
- 29) Отъ П. Филипова 2 р.
- 30) Отъ В. Костаревой 5 р.
- 31) Черезъ Совѣтъ Хрединской второклассной цер. пр. школы 1 р.
- 32) Черезъ С. Иванова служащихъ Влад. кжд. поступило 13 р. 40 к.
- 33) Черезъ Епископа Нікона отъ прихожанъ с. Коломенскаго 20 р.
- 34) Отъ игумена Александра Се-рафимо-Дивѣнскаго монастыря 5 р.
- 35) Отъ воспитанниковъ Алешинской ц. пр. шк. 3 р. 25 к.
- 36) Отъ Свящ. В. Ивановскаго 3 р. 13 к.
- 37) Отъ О. Петровой 1 р.
- 38) Отъ вдовы Волковой 23 р.
- 39) Отъ свящ. Н. Шадрина 5 р.
- 40) Отъ А. Лапшиной 5 р. 50 к.
- 41) Отъ Г. Четверикова 5 р.
- 42) Отъ Г. Грушко 3 р.
- 43) Отъ Свящ. М. Зубковича 3 р.
- 44) Отъ Е. А. и Е. О. Романовскихъ 10 р.

нашемъ селѣ, шлють пожертвованія, они призываютъ къ тому же своихъ знакомыхъ. И что дороже всего—это теплыя письма, искреннія благожеланія и полнѣйшее сочувствіе начатому дѣлу. Сомнѣній въ поддержкѣ общества нашей столовой уже болѣе не могло быть.

Экстренно собираю Комитетъ свой, объявляю о всѣхъ собранныхъ суммахъ. Далѣе откладывать исполненіе задуманнаго не было основаній. Всѣ единогласно рѣшили скорѣе строить печку, покупать посуду, продукты.

Въ первыхъ числахъ Декабря членъ Комитета, М. Кузьминовъ закупалъ уже въ городѣ муку, котель, чашки и т. п. Былъ въ городѣ съ нимъ и я. Осуществлять задуманное было весьма занимательно. Но случайно пришлось получить непріятное для себя извѣстіе. Повстрѣчался я съ однимъ свя-

щенникомъ; онъ тоже открылъ у себя на земскія средства школьную столовую. Мы говорили объ уѣздной голодовкѣ.

— Какъ работаетъ ваша столовая? спрашиваю батюшку.

— Лучше не говори... все пропало... махнувъ рукой, отвѣтилъ собесѣдникъ.

— Какъ такъ!

— Очень просто. Столовая открыта только для школьниковъ, а народъ потребовалъ, чтобы вообще всѣхъ дѣтей кормили.

— Чѣмъ же дѣло окончилось? съ немалымъ страхомъ спѣшу узнать.

— Пришли крестьяне и все у меня разорили.

— Чтоже теперь вы будете дѣлать?

— Что дѣлать то! Совсѣмъ откажусь отъ кормленія школьниковъ, прощаясь со мною, отвѣтилъ опечаленный батюшка.

Тяжелая была минута. Невольно навертывался вопросъ, а ну-ка да и у насъ произойдетъ подобное смятеніе? Время стояло самое мятежное. Кое гдѣ старшинъ, земскихъ начальниковъ, какъ слышно, тревожили. А вѣдь у насъ въ селѣ около 2000 населенія. Господи! вразуми меня, молюсь въ душѣ, а самъ уже третій разъ иду по однимъ и тѣмъ же улицамъ и съ одними и тѣми же тяжелыми думами. „Нѣтъ, не слѣдуетъ трусить“, проносится въ головѣ, „вѣдь дѣти то не виноваты! скорѣе ихъ нужно кормить... накормить... и малютки помогутъ намъ успокоить разгоряченныхъ родителей“...

Снова принято твердое рѣшеніе продолжать начатое. О случившемся съ столовой въ приходѣ знакомаго священника даю себѣ слово никому не говорить. Думаю, подобною вѣстію злонамѣренныхъ людей можно только натолкнуть на некрасивое дѣло. Пода-

45) Отъ свящ. Д. Понамарева. 5 р.

46) Отъ Правленія „Союзъ Копейки“ 200 р.

47) Отъ П. Егорьевска черезъ учит. С. Печерина. 35 р.

48) Отъ Л. Булгаковой. 5 р.

49) Отъ Н. Зацкаго. 5 р.

50) Отъ свящ. Соколова С. 10 р.

51) Отъ М. Буткевичъ. 12 р.

52) Отъ В. Покровской. 6 р.

53) Отъ О. Дмитріевой. 1 р.

54) Отъ Игуменъи Св. Троицкаго

Николаевскаго монастыря Сергіи 65 р.

55) Отъ Свящ. А. Хитрова 3 р.

56) Отъ Игуменъи Св. Троицкаго

Николаевскаго монастыря Сергіи 10 р.

57) Отъ Володи и Нади Дерюги-

ныхъ 3 р.

58) Отъ Игуменъи Сергіи 7 р.

59) Отъ Е. И. Яковлевой (г. Каси-

мовъ) 10 р. 55 к.

60) Изъ Ярославля отъ неизвѣст-

наго. 1 р.

61) Отъ Свящ. С. Соколова 3 р.

62) Отъ Концерта, даннаго въ Вин-

ницкой Церковно-Учительской шк. 50 р.

Итого 1183 р. 65 к.

вивъ въ душѣ неприятное чувство, ѣду домой. Школьная лошадка съ тяжелымъ возомъ затрудняется, а тутъ еще постоянные подъемы на горы задерживаютъ путь. А между тѣмъ въ школу сильно тянетъ. Въдѣ тамъ сегодня идетъ возка кирпича, глины. Но вотъ уже и дома. Общежитники выбѣжали встрѣчать меня. Дѣтей сильно интересовало, что именно привезутъ изъ города.

— У, котель то какой большущій купили!

— Чай онъ дорогой.

— Ложекъ то, ложекъ то сколько привезли! это на цѣлюю деревню хватить, поднимая ящикъ съ посудой, кричатъ ребятишки.

— Батюшка! Вамъ еще повѣстку на десять руб. изъ управы принесли.

— Это намъ Богъ на столовую посылаетъ, говоритъ мальчикъ.

— Песокъ, глину привезли? спрашиваю учениковъ.

— Все доставили; мы уже въ мастерскую почти всѣ кирпичи перетаскали.

— Печка не готова еще?

— Подъ сложили... печка то, батюшка, слишкомъ велика.

Ребятишки готовы были еще говорить со мною у саней. Они всѣ были воодушевлены; запахъ будущей горячей каши съ мягкимъ хлѣбомъ видимо поднималъ дѣтское воображеніе до необыкновенныхъ размѣровъ. А это весьма важно, довольство дѣтей, безъ сомнѣнія, должно смягчить не мало черствыхъ родительскихъ сердець.

Комитетъ нашъ усиленно работаль надъ своимъ дѣломъ. Ученики старшихъ классовъ, занимаясь перепиской дѣловыхъ бумагъ, сбили съ столяромъ три щита для столовъ, шкафъ для хлѣбовъ, посуды. Былъ рѣшонъ вопросъ и относительно при-

слуги. Комитетъ склонился къ тому, чтобы въ качествѣ прислуги была взята какая либо вдова, нуждающаяся въ содержаніи. Однимъ изъ членовъ Комитета даже была указана и подходящая женщина.

На слѣдующій день ѣду съ С. И., учителемъ первато класса, къ намѣченной женщинѣ. Подѣхали къ маленькой, покосившейся, убогой избушкѣ. Сразу видно, что въ домѣ парить необыкновенная нищета. Увидавъ насъ, хозяйка сама вышла къ намъ, приняла благословеніе.

— Мы за тобой, Авдотья, пріѣхали?

— Я слышала, что ты думаешь, батюшка, меня взять къ себѣ въ кухарки.

— Если согласишься, то такъ.

— Работа то у васъ какая?

— Ты должна будешь печь хлѣбы ребятамъ, варить кашу.

— Что то боязно. А нука да я не справлюсь? Да потому у меня на рукахъ трое дѣтей... Ваня то у васъ въ школѣ учится, а двѣ дѣвочки при мнѣ живутъ, помѣститъ то мнѣ ихъ на зиму не у кого.

— Приходи къ намъ съ дѣтьми, за твой трудъ будемъ всѣхъ васъ кормить.

— За доброе слово спасибо, но все-таки я не знаю, что вамъ сказать.

Подошелъ сосѣдъ.

— Чего тутъ не знать то, соглашайся и только!.. отвѣчаетъ подошедшій.

— До какого времени жить у васъ придется?

— До Пасхи.

— Ишь тебѣ какое счастье выпадаетъ!.. Топлива у тебя нѣтъ, изба плохая, а зима то только что началась, снова одобрительно высказался мужичекъ.

Женщина согласилась. Я назначилъ ей день прихода въ школу.

Вечерѣло. Порошилъ мелкій снѣжокъ. Я смотрѣлъ изъ окна на плохенькія крестьянскія избушки. Невольно мнѣ рисовалась картина непригляднаго житья бытѣя приглашонной въ школьную столовую кухарки. Вдругъ подкатила къ парадному пара лошадей. Кто бы это могъ быть? Епархіальный наблюдатель? Но у него фигура нетакая. Иду встрѣчать незнакомца.

— Вы будете о. М—овъ?—сталкиваясь со мною на лѣсницѣ, спросилъ незнакомецъ.

— Я, отвѣчаю.

— Имѣю честь представиться — членъ Уѣздной Управы...

Приглашаю гостя къ себѣ въ квартиру.

— А... а... да вы недурно здѣсь проживаете! сказалъ онъ, окидывая глазами квартиру, мой письменный столъ, портретъ о. Іоанна Кронштадскаго, фотографію С. А. Рачинскаго, груды книгъ.

Прощу гостя садиться.

— Я землевладѣлец... состою членомъ земской Управы, къ вамъ мнѣ пришлось заѣхать по дѣлу.

— Чѣмъ могу служить? всматриваясь въ лицо гостя, говорю не спѣша.

— До насъ (надо полагать до Земской Управы) дошли слухи, что вы собираете деньги на голодающихъ. Правда это?

— Я лично никакихъ денегъ на голодающихъ не собираю. Гость замѣтно встрепенулся.

— Какъ не собираете!? Очевидно подозрѣвая меня въ лжи, нѣсколько повышеннымъ тономъ переспросилъ членъ земской Управы.

— Вы, какъ я вижу, удивляетесь?

— Насъ же увѣряли (кто, не было сказано), что вы собираете и уже имѣете въ распоряженіи крупныя суммы...

— Въ успокоеніе долженъ вамъ ска-

зать, что вы въ нѣкоторомъ заблужденіи: при нашей церкви—школѣ и богадѣльнѣ существуетъ постоянное попечительство. Такъ вотъ оно то сформировало изъ себя Комитетъ для оказанія прежде всего помощи голодающимъ дѣтямъ, а если позволять средства, то и взрослому населенію.

— Вотъ какъ! протянулъ гость; такъ вы то лично въ данномъ случаѣ со всѣмъ въ сторонѣ стоите.

— Да, наша школа находится въ вѣдѣніи коллективнаго управленія.

Посѣтитель умолкъ. Молчалъ и я.

— Это все хорошо!.. какъ будто что соображая, заговорилъ земець. Все-таки я не сказалъ вамъ о конечной цѣли пріѣзда къ вамъ; меня командировали къ вамъ съ тѣмъ, чтобы отобрать у васъ 126 р., выданные вамъ изъ Управы; вы, безъ сомнѣнія, безъ нашей помощи обойдетесь.

— У меня земскихъ денегъ уже нѣтъ, я передалъ ихъ въ комитетъ, а онъ ихъ уже затратилъ.

— Какъ такъ скоро?

— Комитетъ нашъ задумалъ организовать столовую на болѣе широкихъ началахъ; у насъ строится специальная печка; словомъ, обставляется столовая надлежащимъ образомъ.

— Не покажете ли вы мнѣ начатыя работы.

Я согласился.

Гость мой навелъ меня на грустныя размышленія, но все-таки изъ новаго знакомства я извлекъ нѣкоторую пользу. Онъ принималъ непосредственное участіе въ устройствѣ школьныхъ столовыхъ въ 1891 году. На основаніи личнаго опыта онъ сообщилъ мнѣ за вечернимъ чаемъ, что ежедневно на ученика должно выходить не болѣе 2½—3 копѣекъ. Слышать это мнѣ было весьма пріятно. Отъ точнаго опредѣленія дневнаго содержанія ученика

являлось смѣлости больше. А въ новомъ дѣлѣ безъ увѣренности въ успехъ пропадешь.

Гость мой уѣхалъ. Невольно думалось о цѣли его пріѣзда... И грустно было отъ этихъ думъ...

Школьники наши положительно истомились, они каждую перемену большими толпами ходятъ въ мастерскую справляться, не сдѣлалъ ли тамъ дядя Иванъ печку, не наварила ли тетка Авдотья горячей каши? Наконецъ, на 9-е Декабря назначенъ первый обѣдъ. Вся школа встрепелась. Иду въ классъ, ребятишки всѣ сіяютъ; на лицѣ каждого свѣтится радость.

— Батюшка! съ кѣмъ мнѣ кашу то ѣсть? спрашиваетъ мальчикъ младшаго отдѣленія.

— Это вамъ всѣмъ учитель въ мастерской объявитъ (старшее отдѣленіе 1-го кл. обѣдало въ своемъ классѣ, а второй классъ собиралъ свой столъ въ учительскомъ классѣ).

— А въ мастерской лавокъ то нѣтъ! кричитъ мальчикъ.

— Ишь, какой баринъ! и стоя позавтракаешь, отвѣчаетъ старшій ученикъ.

Прошло уже два урока, сѣду въ столовую узнать относительно каши.

— Ну какъ, Авдотья, сварила обѣдъ?

— Варю, скоро каша будетъ готова.

— Ты, Поля, что дѣлаешь? спрашиваю дочку кухарки.

— Съ Наташей кашу жду.

— Ужъ слишкомъ, батюшка, интересно то! Я тоже нынѣ плохо работаю, говорить столяръ.

— Ничего, ничего!.. У тебя сегодня праздникъ. Ты долженъ помогать хлѣбъ рѣзать, щиты, верстаки на мѣста ставить, столы то у насъ особенные.

— Ой, ой!.. каша то убѣжала!.. кричитъ кухарка.

— Подлей въ котель холодной воды,

подсказываетъ растерявшейся женщины столяръ.

Все это было сдѣлано, но котель все бушуетъ, выбрасывая вмѣстѣ съ паромъ и кашу.

— Не привычна я, батюшка, дровами то топить, весь вѣкъ кой чѣмъ топилась, когда торфомъ, когда соломой...

Бѣдная женщина думала, что ее сейчасъ будутъ бранить за оплошность.

Но вотъ столы разставлены, размѣщены пустыя миски (это для ознакомленія дѣтей съ мѣстами), разложены ложки, хлѣбъ. Бьетъ звонокъ на третью перемену. Ученики густой толпой идутъ въ мастерскую. Явился дежурный учитель, размѣстили всѣхъ на опредѣленные мѣста, пропѣли молитву. Дежурные ученики потянулись съ чашками къ котлу съ горячей кашей. По первой мискѣ роздано. Замѣчательная картина! Передъ глазами море стриженныхъ дѣтскихъ головъ. У каждого мальчика по куску мягкаго хлѣба и новой ложкѣ. Въ столовой полнѣйшая тишина.

— Батюшка! Какъ аппетитно ѣдятъ то! говоритъ Александръ Егорычъ.

— Очень даже... большой семьей обѣдать веселѣе.

— Это вѣрно... меня самого стало позывать на ѣду. Не присѣсть ли мнѣ съ ними! откушивая ученической горячей кашицы, шутитъ учитель.

По первой мискѣ ребятишки живо сѣли, видно было, что каша пришлась по вкусу, налили по другой, тоже все опорожнили. Многимъ не хватило хлѣба (на первый разъ выдано было по $\frac{1}{2}$ ф.). Дѣти кушали съ жадностію. Обѣды вошли въ обыкновеніе.

— Кузнецовъ!

— Что, батюшка?

— У тебя хлѣбъ остался? спрашиваю однажды мальчика.

— Остался.

— Ты куда его спряталъ?

— Въ карманъ положилъ...

— Значить, ты не наѣлся?

— Нѣ... ть... на... ѣлся...

— А зачѣмъ же ты остатокъ хлѣба убралъ?

— Я до...ма съѣмъ, боязливо отвѣтилъ мальчикъ.

— Онъ бѣдный, батюшка, у нихъ дома совсѣмъ хлѣба нѣтъ, а у него двѣ сестренки да братъ ¹⁾.

Видно было, что у нѣкоторыхъ въ хлѣбѣ нужда большая.

Подхожу къ ученику младшей группы.

— Конкинъ!

— Что?

— Ты нынѣ утромъ ѣлъ?

Картошки три съѣлъ.

— А еще что?

— Ничего.

— Обѣдать дома будешь?

— Нѣтъ... я наѣлся.

— Ужинъ бываетъ у васъ?

— Когда бываетъ.

— Что же вы ѣдите?

— Картошку со щами.

— Кашу варятъ у васъ?

— Нѣтъ.

Начинаю спрашивать учениковъ постарше. Всѣ сознаются, что какъ стали въ школѣ кормить, обѣдать имъ дома не даютъ, а вечеромъ кормятъ понемногу. Ясно, населеніе изъ школьной кормежки всетаки извлекаетъ нѣкоторую пользу.

Въ первое воскресенье, по открытіи столовой, въ школьномъ храмѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, было сказано подходящее къ минутѣ поученіе. Отцы и дѣти усердно

молились, благодарили Бога за оказанную милость, просили Его о ниспосланіи здоровья и всякаго благополучія всѣмъ добрымъ жертвователямъ.

— Пошли имъ, Господи, добраго здоровья! со слезами на глазахъ говорили старики.

Пошли, Царь небесный, нашимъ учителямъ успѣха...

Наставъ ихъ, Царица Небесная, на разумъ... твердятъ благодарные поселяне на пути изъ школьнаго храма.

Разнеслась вѣсть о желѣзно-дорожной забастовкѣ, Московской рѣзні. Говорили, что Правительство больше не будетъ выдавать голодающимъ мѣсячное довольствіе. Но какъ ни страшны были зловѣщія слухи, населеніе мало по малу стало привыкать смотреть на школу, какъ на настоящей питательный пунктъ. Ежедневно почти приходили въ комитетъ денежные повѣстки. Народъ своими глазами видѣлъ, что на Руси есть еще добрые люди, есть лица, всѣмъ существомъ своимъ сочувствующіе голодающему населенію. Теперь многіе бѣдняки готовы были протянуть свои руки къ школьной столовой въ надеждѣ на какую либо помощь.

Приходить въ школу одна женщина, жалуется матушкѣ на болѣзненное состояніе двухъ сиротокъ, просить чѣмъ либо полечить малютокъ. Матушка сообщила объ этомъ мнѣ. Я изъявилъ желаніе лично осмотрѣть дѣвочекъ. Для болѣе точнаго представленія о нуждѣ несчастныхъ я пригласилъ съ собою дѣлопроизводителя комитета, А. Е. Орфенова. Онъ согласился. Квартиру малютокъ мы скоро отыскали; онѣ жили у своей бабушки — убогой старушки. Входимъ. Избенка маленькая, но довольно чистенькая. Къ потолку привѣшаны двѣ люльки.

1) Семья Кузнецовыхъ потомъ было выдано единовременное пособіе.

— Здѣсь живутъ сиротки-Зайцевы? спросилъ дѣлопроизводитель.

— У насъ, кормилецъ!

— Мать то у нихъ умерла?

— Умерла, отвѣчаетъ бабушка, вчера былъ девятый день.

— А отецъ у нихъ есть?

— Есть да онъ ихъ бросилъ, сами не знаемъ, гдѣ онъ находится.

Какая то молодая женщина покачиваетъ малютокъ. Изъ одной люльки слышится едва замѣтное пищаніе.

— Какого возраста дѣвочки то? любопытствуетъ учитель.

— Старшей—Парашѣ 1½ г., а младшей—Еленѣ всего шесть недѣль.

— Чѣмъ вы ихъ кормите? спрашиваю.

— Да такъ, кое чѣмъ.

— Молока даете?

— Изрѣдка даемъ, своего то у насъ нѣтъ и купить не на что, только добрые люди иногда приносятъ.

— Кашу даете?

— Какая каша! протянула старуха.

— Да онѣ, батюшка, что то ничего не ѣдятъ—вставила молодая женщина.

— Почему же?

— У старшей то весь ротикъ болитъ, а маленькая ужъ слишкомъ слаба.

Мы попросили показать намъ дѣвочекъ. Молодая женщина (она малюткамъ доводится теткой) развернула грязныя тряпки, взяла Пашу на руки. У бѣдненькой едва головка на плечахъ держится, на блѣдномъ лицѣ рядомъ съ неизгладимымъ страданіемъ свѣтятся два уже понимающихъ глаза, губы покрыты сыпью, на зубахъ проглядываетъ чернота.

Болѣе спрашивать нечего было, нужда несомнѣнная.

Мы съ дѣлопроизводителемъ молча усадились въ сани.

— Нужно скорѣе малюткамъ пищи дать рѣшили мы.

На пути мы заѣхали въ лавку, купили нѣсколько бѣлыхъ хлѣбцовъ, 2 ф. манной крупы, 10 ф. простой крупы, 2 ф. сахарнаго песку, 2 ф. мыла, отвезли сироткамъ; при этомъ бабушкѣ сказали, чтобы она ежедневно гдѣ либо покупала для малютокъ на 5 коп. молока, а мы за все это ежемѣсячно будемъ уплачивать.

Вечеромъ было сдѣлано экстренное собраніе Комитета. Докладъ о принятіи на содержаніе сиротъ Зайцевыхъ былъ принятъ единогласно¹⁾.

Итакъ, при школьной столовой появились еще двѣ нахлѣбницы.

Приближалось Рождество Христово. Самъ собою возникалъ вопросъ, слѣдуетъ ли кормить школьниковъ и святками? Обсудить данный вопросъ было предложено Комитету. По нѣкоторомъ размышленіи, рѣшили дѣтей святками не кормить, а лучше затратить рублей 30 на единовременное пособіе вдовамъ и сиротамъ.

Прошли святки. Жизнь въ школѣ потекла обычнымъ путемъ, ученикамъ ежедневно выдавались обѣды (варили щи, кашу, горохъ), хлѣба получали дѣти столько, сколько каждый могъ съѣсть, при этомъ въ два скоромныхъ дня недѣли получали по 20 ф. мяса.

Думалось, что болѣе перемѣнъ въ дѣятельности комитета уже не будетъ. Но нѣтъ, этому не суждено быть. 11 января случился въ селѣ пожаръ. Пріѣзжаемъ на пожаръ. Кое-гдѣ еще дымится, лежатъ груды кирпичей отъ печекъ, да два трупа отъ сгорѣвшихъ коровъ.

— Гдѣ же погорѣльцы! спрашиваю мальчиковъ.

— Къ сосѣдамъ ушли.

— Позовите ихъ сюда.

¹⁾ Дѣвочки отъ правильнаго питанія быстро стали выздоравливать.

Выходить лѣтъ сорока пяти мужичекъ, на немъ рваная шубенка, шапка тоже худая.

— Ты сгорѣлъ?

— Сгорѣлъ, батюшка, обливаясь слезами, отвѣтилъ крестьянинъ.

— Что же ты такъ плачешь?

— Какъ же не плакать, теперь я всего лишился, вѣдь и побираться идти нельзя, у меня только и добра, что вотъ эта рваная шуба.

Семейству погорѣльца мы пообѣщали сейчасъ же прислать изъ школьной столовой печеный хлѣбъ, а на слѣдующій день заказали всѣмъ погорѣльцамъ явиться въ школу за полученіемъ пособія.

Погорѣльцевъ оказалось 16 человекъ. Комитетъ, сообразившись съ личностію суммъ, рѣшилъ выдать по 15 ф. муки, по 15 ф. пшеница, 4½ ф. масла на человека. Острая нужда была подавлена.

11-е Апрѣля. День теплый. Осимые всходы вызываютъ въ сердца нѣкоторую отраду. По всѣмъ признакамъ долженъ быть урожай, а слѣдовательно и смягченіе народной нужды.

На улицѣ весело играютъ ребятишки, тутъ же рѣзвятся дочери нашей кухарки. Вдругъ старшая—Поля бросилась бѣжать по направлению къ школѣ. Что бы значила такая торопливость? Не успѣлъ я еще все хорошенько обдумать, какъ раздался на школьной колоколнѣ ударъ колокола. Это маленькая Поля извѣщала о сильномъ пожарѣ. На концѣ села горѣли жилища; пылающая солома большими кусками взлетала на воздухъ, разносился густой дымъ. Горѣло не болѣе 10 минутъ, а уничтожено огнемъ цѣлыхъ 16 домовъ.

По обыкновенію, было сдѣлано экстренное собраніе комитета. На собраніи было постановлено оказать по-

сильную помощь погорѣльцамъ всѣмъ вообще, но вдовамъ и сиротамъ болѣе существеннымъ образомъ помочь.

Горя, нужды въ приходѣ такъ много, что капиталы наши почти всѣ уже израсходованы; осталось въ распоряженіи только нѣсколько рублей съ копѣйками. А тутъ явились двѣ просительницы съ такой нуждой, что оставить безъ вниманія ихъ просьбъ никакъ нельзя. Вдовы—Соловьева и Чикалина имѣютъ пять человекъ дѣтей; дѣти еще маленькія, на работу отходить отъ нихъ нельзя и жить негдѣ. У обѣихъ настолько избы плохи, что ютиться въ нихъ, по ихъ заявленію, болѣе невозможно.

Пришлось о новой нуждѣ доложить комитету. Комитетъ постановилъ осмотрѣть стройку вдовъ отдѣльной комиссіи. И вотъ въ одинъ прекрасный день я съ двумя учителями иду въ отдаленную слободу прихода. Подходимъ къ избѣ Чикалиной.

По всему видно, что женщинамъ живется не легко. И мы крѣпко рѣшили изыскать средства и на этихъ вдовъ.

По обыкновенію, былъ посланъ въ печать краткій мѣсячный отчетъ о притокахъ пожертвованій, а вмѣстѣ съ тѣмъ было упомянуто о нуждѣ будущихъ нищенокъ. Добрые люди не остались глухими на нашъ призывъ; снова комитетъ располагалъ уже нѣкоторыми суммами. Къ слову сказать, въ данный разъ комитетъ на 16 погорѣлыхъ семействъ въ помощь на лѣсные матеріалы затратилъ 280 р. (пособіе выдавалось отъ 5—60 р. на домъ), а для Чикалиной и Соловьевой купилъ лѣсу на 115 руб.

Благодареніе Богу за оказанныя милости! Въ селѣ Малинкахъ сверхъ всякихъ ожиданій воздвигаются шесть маленькихъ домиковъ почти что на

средства добрыхъ жертвователей. Спасибо добрымъ русскимъ людямъ! О вашемъ сердечномъ расположеніи къ голодающимъ въ тяжелый для Россіи

1905 г. въ Малинкахъ изъ поколенія въ поколѣніе съ чувствомъ глубокой благодарности будетъ передаваться.

Свящ. І. Молебновъ.

Д в а у ч и т е л я .

Разсказъ.

Итакъ, вы рѣшительно отказываетесь? — насупившись спросилъ Ершовъ у Благовидова.

— Да... вы не сердитесь, Иванъ Дмитричъ... все маменька...—робко и нерѣшительно отвѣтилъ Благовидовъ.

— Маменька, маменька... Соску вамъ въ руки надо, а не книгу.

— Вы, пожалуйста, Ершовъ, на меня не сердитесь... Я... я, пожалуй бы, но маменька—старушка, она мнѣ и говоритъ: „если ты совратишься и пойдешь въ социалисты, я отступлюсь отъ тебя и забуду, что ты сынъ мнѣ“... Какъ же мнѣ послѣ такихъ словъ?!

— Эхъ, младенецъ, вы, младенецъ... маменька то видно и посейчасъ на помочахъ васъ водить...

— Все же я долженъ почитать родительницу...

— Вы должны почитать свободу, братство, равенство, это должно служить завѣтомъ каждому человѣку... Безъ этого невозможно жить... А вы, коллега, не хотите слѣдовать за нами; за нами идутъ сотни тысячъ людей...

— Поэтому, Иванъ Дмитричъ, васъ и безъ меня много, ну зачѣмъ я вамъ, — съ улыбкой кротко проговорилъ Благовидовъ.

— Да, да... вы намъ не нужны... Но я долженъ сказать, что вамъ придется скоро проститься съ учительствомъ... Мы не можемъ васъ терпѣть здѣсь, среди насъ...

— Почему же? Я, вѣдь, совсѣмъ особнякомъ отъ васъ... Я вамъ не мѣшаю...

— Еще бы вы намъ помѣшали, — заносчиво проговорилъ Ершовъ. Если бы вы вздумали намъ помѣшать-то мы...

— Убили бы меня, вы это хотите сказать? Вотъ вы, Иванъ Дмитричъ, проповѣдуете свободу, равенство, братство... а сами идете въ разрѣзъ нашимъ „завѣтамъ“ и угрожаете мнѣ смертью. Какая же это свобода? Гдѣ же тутъ братство, равенство? Я не соглашаюсь съ вами, не раздѣляю вашего мнѣнія, и вы мнѣ угрожаете...

— Пойдите, пойдите, господинъ Благовидовъ, вы меня совсѣмъ не поняли. Кто говоритъ вамъ о смерти? мы убьемъ васъ только въ томъ случаѣ, если вы будете шпионить, фискалить... Насильно мы васъ на свою сторону не тянемъ, живите себѣ, прозябайте, но не мѣшайте намъ...

— Помилуйте, господинъ Ершовъ, кто же вамъ мѣшаетъ?..

— Вы намъ мѣшаете, вы...

— Я?—удивился Благовидовъ.

— Да, вы.

— Какимъ же образомъ?

— Очень просто: вы засѣли въ своей школѣ и дѣлаете изъ ребятъ идіотовъ... У васъ во всемъ и вездѣ Богъ, безъ Бога вы не обходитесь и минуты... Смѣшно! Позвольте узнать, куда вы готовите своихъ мальчиковъ?

въ попы, въ монахи? — насмѣшливо спросилъ Ершовъ.

— Я учу ихъ тому, чему долженъ учить всякій честный человѣкъ... Я вмѣняю себѣ въ обязанность направить моихъ ребятишекъ по той дорогѣ, по которой имъ придется идти... этотъ путь я постараюсь имъ показать.

— Вотъ какъ!.. Не чепуха ли это, господинъ Благовидовъ!?

— Нѣтъ, не чепуха, господинъ Ершовъ!

— Методъ преподаванія грамоты ребятишкамъ вы не у своей ли маменьки усвоили? — съ насмѣшкой проговорилъ Ершовъ.

— Вы отгадали: любить Бога и любить ближняго съ самаго ранняго дѣтства обучила меня мать; эту науку я передаю и своимъ ученикамъ, — спокойно отвѣтилъ Благовидовъ.

Такой разговоръ между Ершовымъ и Благовидовымъ происходилъ въ церковно-приходской школѣ села Спасскаго, расположеннаго на берегу рѣки Волги. Село Спасское было большое торговое. Въ селѣ была четырехкласная школа съ сотней бѣлоголовыхъ учениковъ.

Эта деревенская учащаяся дѣтвора всей своей дѣтской, чистой душой любила добраго кроткаго учителя Сергѣя Дмитріевича Благовидова и его мать-старушку рѣдкихъ душевныхъ качествъ.

Верстахъ въ пяти отъ села Спасскаго, въ большой деревнѣ Гребнево, была другая, земская школа, въ которой учителемъ былъ Ершовъ, Иванъ Дмитріевичъ.

Благовидовъ и Ершовъ — совершенная противоположность: насколько Благовидовъ былъ вѣрующимъ, настолько Ершовъ невѣрующимъ. Благовидовъ былъ молчаливъ и скромнень, Ершовъ говорливъ и нахалень. Ученики Бла-

говидова были кроткіе, вѣрующіе ребята, ученики Ершова, наоборотъ: въ церковь почти не ходили и слыли за драчуновъ и озарниковъ: учителя своего не любили, боялися его и смѣялись надъ нимъ.

Настольно й книгой Благовидова было Евангеліе, Ершова — Теорія Дарвина.

Началось пагубное броженіе преимущественно между молодежью и такъ называемой „интеллигенціей“.

Громкія слова — „свобода“, „равенство“, „братство“, „конституція“, „коммуна“ — не сходили съ устъ почти всей учащейся молодежи, и слышались даже между педагогами къ ихъ стыду...

Пущены въ ходъ всевозможныя соціальныя революціонныя книженки, преимущественно еврейской стряпни; раздавались во множествѣ разныя воззванія, въ которыхъ бѣдному крестьянскому люду сулились горы золотыя, изобиліе земли, равенство, полная свобода и т. д.

И, къ несчастью, — многіе пошли на эту удочку; агитаторы, величающіе себя „друзьями человѣчества“ — искусно запутывали въ свои сѣти доврчивыхъ юношей и взрослыхъ простецовъ.

Завиднѣлись красные флаги, послышались выстрѣлы ружейные, пушечные... стоны... полилась кровь...

Солнце померкло, сгустился мракъ... страшно...

Ужасное чудище, которое называютъ революціей, готово было испустить свое убійственное дыханіе на нашу многострадальную землю... Народъ стоялъ...

Нѣкоторые изъ жителей Спасскаго примкнули къ „освободительному движенію“ и руководителемъ ихъ сталъ Ершовъ; ему очень хотѣлось, чтобы Благовидовъ былъ ихъ единомышленникомъ...

— Ершовъ былъ искусный агитаторъ; онъ чуть, было, не сбиль даже и Благовидова, но Благовидовъ, какъ уже сказали, былъ вѣрующимъ, и кромѣ того его оберегала мать. Для кого изъ насъ мать не была ангеломъ хранителемъ?..

Благовидовъ скоро одумался и отказался отъ всякаго участія въ „освободительномъ движеніи.“

Ершовъ не могъ простить этого своему сотоварищу и сталъ измышлять, какъ бы ему убрать Благовидова изъ села „Спасскаго,“ потому что Благовидовъ сталъ служить помѣхой его пропагандѣ, которую онъ дѣятельно велъ среди жителей Спасскаго.

Къ несчастію, пропаганда глубоко пустила въ селѣ Спасскомъ свои корни...

Попечитель Спасской школы, Мыльниковъ, состоя „въ мѣщанствѣ“, почиталъ себя за „передового человѣка“, а кое-кому изъ „своихъ“ говорилъ даже, что онъ „красный,“ и, въ отвѣтъ на это одинъ изъ пріятелей Мыльникова такъ отвѣтилъ ему:

— Ну, какой ты „красный“, когда не можешь „и“ отъ „жицы“ отличить... А впрочемъ и ты бываешь краснымъ, когда выходишь изъ трактира, или—изъ поль-пивной; въ ту пору точно рожь твоя, аки зарево...

Мыльниковъ дружилъ съ Ершовымъ и не долюбивалъ Благовидова.

— Ужъ очень отъ него елеемъ пахнетъ... ему бы въ монахи, а не учителемъ быть... Кромѣ всего прочаго—убѣжденія наши расходятся,—такъ говорилъ Мыльниковъ про школьнаго учителя, гдѣ состоялъ попечителемъ. Ему не составило большаго труда уволить изъ школы Благовидова; въ этомъ ему много помогъ Ершовъ.

Сельскій священникъ о. Алексѣй вздумалъ было протестовать противъ самопроизвольнаго увольненія ни въ

чемъ неповиннаго учителя, но ему погрозили и приказали „замолчать.“

Грубый самопроизволъ тогда царилъ въ селѣ „Спасскомъ.“

— Жаль мнѣ васъ, Сергѣй Дмитриевичъ, очень жаль, да ничего не подѣлаешь—Ершовъ большую силу забралъ, Мыльниковъ тоже, съ ними трудно бороться... А вы все же не очень печальтесь... На дняхъ я буду въ городѣ и кой-съ кѣмъ поговорю, посовѣтуюсь на счетъ вашего увольненія—утѣшаль добрый священникъ Благовидова.—А покуда у меня поселитесь, домъ у меня просторный, мѣста для васъ хватитъ, добавилъ онъ.

Благовидовъ съ благодарностью принялъ предложеніе о. Алексѣя; ему дали сроку три дня и въ это время онъ долженъ былъ очистить квартиру при школѣ для новаго учителя, котораго рекомендовалъ попечителю Ершовъ.

Новый учитель, разумѣется, вполне раздѣлялъ взгляды своего коллеги Ершова.

Не безъ горя и тоски простился Благовидовъ со школой, съ своими учениками, которые со слезами разставались съ своимъ добрымъ учителемъ.

Особенно горько плакалъ мальчикъ Миша, любимый и старательный ученикъ, и при томъ очень умный и не по лѣтамъ развитый.

Благовидовъ особенно старался съ нимъ заниматься и, разчитывая на помощь добрыхъ людей, хотѣлъ подготовить его въ гимназію.

— Миша, голубчикъ, ты не плачь, я вѣдь нѣкоторое время проживу у о. Алексѣя и ты будешь туда ходить заниматься со мной.

— Какой вы добрый, Сергѣй Дмитриевичъ, какъ мнѣ и благодарить васъ не знаю...

— Не за что, Миша, я еще для тебя ничего не сдѣлалъ.

— Нѣтъ, вы многое для меня сдѣлали, вы мнѣ свѣтъ открыли, что я до васъ былъ?.. а теперь меня грамотеи считаютъ... Только вотъ я никакъ не пойму, за что васъ увольняютъ?

— Ну, этого, голубчикъ, я и самъ не понимаю...

— Мой тятя говорить, что это не по праву... Васъ не смѣютъ увольнять: это беззаконіе..

— Что дѣлать, Миша, надо ждать, надѣяться, что беззаконіе будетъ поправно закономъ...

Учителя Благовидова, лишивъ послѣдняго куска хлѣба, не оставили въ покоѣ.—Его недоброжелатели, въ числѣ которыхъ первымъ былъ Ершовъ, были недовольны, что Благовидовъ поселился у священника; имъ надо было совершенно выселить его изъ Спасскаго, потому что мужики жалѣли его. А отцы тѣхъ ребятишекъ, которые учились у Благовидова, громко говорили за учителя и упрекали его недруговъ.

Какъ то Ершовъ пришелъ въ домъ священника и спросилъ о Благовидовѣ.

— Что вамъ надо?—спросилъ Сергѣй Дмитріевичъ, недружелюбно посмотрѣвъ на незваннаго гостя.

— Мнѣ надо поговорить съ вами, или скорѣе предостеречь васъ.

— Отъ чего еще предостеречь?

— Если вы останетесь здѣсь, въ Спасскомъ, то вамъ не миновать большой опасности.

— Понимаю, вы хотите меня совсѣмъ выкурить, чтобы и духа моего въ Спасскомъ не было, вѣдь такъ?.. Но это вамъ едва ли удастся... я останусь здѣсь...

— Чтобы слѣдить за нами и за нашимъ движеніемъ и доносить правительству?.. Но, предупреждаю, за это вы поплатитесь жизнью.

— Напрасно угрожаете... Повторяю—мнѣ не страшны ваши угрозы... А доносить на васъ я не буду—правительству и безъ меня извѣстны будутъ ваши дѣла... Оно ихъ и теперь знаетъ; если и медлитъ васъ карать, то ожидаетъ, что вы одумаетесь...

— Такъ вы не уѣдете?—спросилъ Ершовъ, грозно сверкнувъ глазами.

— Нѣтъ, не уѣду,—по обыкновенію спокойно отвѣтилъ ему Сергѣй Дмитріевичъ.

— Повторяю—вы рискуете жизнью!

— А я повторяю, что угрозъ вашихъ не боюсь.

— Посмотримъ, посмотримъ...

Ершовъ ушелъ, сердито хлопнувъ дверью.

Скоро возстаніе было подавлено оружіемъ и вожаки получили должное.

Ершова, въ числѣ другихъ, арестовали и судили; его приговорили къ разстрѣлу, но казнь замѣнили каторгой.

Тревожная, полная ужасовъ, жизнь стала мало-по-малу входить въ обыденную колею.

Забастовщики принялись за работу.

Ребятишки села Спасскаго стали опять бѣгать въ свою школу; только обучалъ ихъ житейской премудрости теперь уже другой учитель...

А Благовидовъ умиралъ въ домѣ о. Алексѣя смертельно раненый въ грудь, какимъ то хулиганомъ, можетъ подосланнымъ Ершовымъ.

Произошло это такъ.

Мы уже знаемъ, что Сергѣй Дмитріевичъ остался вѣренъ себѣ и, несмотря ни на какія угрозы, не уѣхалъ изъ Спасскаго и не страшился говорить правду.

И вотъ, гуляя въ морозный, декабрьскій день по саду, Благовидовъ вышелъ за околицу и направился въ лѣсъ, находившійся невдалекѣ отъ

Спасскаго; по лёсу шла хорошая утробованная ѣздою дорога.

Морозный день клонился къ вечеру.

Благовидовъ залюбовался закатомъ солнца, который видѣнъ былъ ему сквозь деревья: онъ заглядѣлся на эту чудную картину и не замѣтилъ, какъ къ нему быстро приблизился какой то человекъ въ полушубкѣ, въ мѣховой шапкѣ и выстрѣлили въ него изъ револьвера.

Бѣдняга—учитель, смертельно раненый, упалъ; истекая кровью, онъ умеръ бы, если бы выстрѣлъ не услыхалъ случайно проѣзжавшій изъ Спасскаго мужикъ.

Онъ зналъ Благовидова, поднялъ

его и бережно безпамятнаго привезъ въ домъ священника.

Говорить ли о безпредѣльномъ горѣ старушки матери, которое пережила она когда увидала своего сына полуживымъ, окровавленнымъ?

Послали за врачомъ; тотъ хотъ и вынулъ пулю, но не сталъ скрывать, что смерть близка къ Сергѣю Дмитріевичу.

Старушка, услыша эти слова, перекрестилась и тихо проговорила:

— Буди Господня воля!.. Богъ дальнѣ сына, Богъ и беретъ его къ себѣ...

Благовидовъ умиралъ, какъ истинный христіанинъ, и спокойно приготовилъ себя къ переходу въ вѣчность...

Д. Дмитриевъ.

ПОСТВЫ И ВХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

LIX

Гоненія на Православіе въ Западномъ краѣ.—Маленькіе мученики и исповѣдники—питомцы школы.

Едва ли гдѣ съ такою очевидностію проявилась и проявляется неизмѣримая заслуга нашей церковно-приходской школы для Церкви и Отечества, какъ въ западномъ краѣ—въ этомъ мѣстѣ кровавой отчаянно-упорной борьбы темной силы католичества съ Православіемъ. Напрасно это Православіе здѣсь носить свое официальное именованіе „господствующаго вѣроисповѣданія“. Напрасно и горькою ядовитостію было бы думать, что оно здѣсь пользуется тою свободою, которая дана теперь самымъ изувѣрнымъ сектамъ и исповѣданіямъ и которою эти изувѣрства упиваются до пресыщенія... безпомощно брошеннымъ въ ихъ алчную пасть Православіемъ. Сердце обливается кровью за родныхъ, бѣдныхъ, безпомощныхъ русскихъ православныхъ мужичковъ, ихъ женъ

и дѣтей, терпящихъ здѣсь настоящіе первохристіанскія гоненія, мученія, и всякіе ужасы, вплоть до самой смерти, подъ чашъ исполненной прелестнаго, истинно-первомученическаго, исповѣдническаго трагизма. Нечего и говорить, что все православное, истинно-русское, всякое проявленіе православно-русскаго чувства здѣсь постоянно осыпается цѣлымъ градомъ насмѣшекъ и издѣвательствъ, горько-обидныхъ для русскаго чувства. Вотъ факты, немногіе изъ безчисленнаго ихъ множества. Когда объявилась знаменитая „свобода“ вѣроисповѣданій, ловкими происками ксендзовъ мѣстные жители стали тысячами записываться въ костелахъ и присягать въ вѣрности католичеству. Присяга эта по мѣстамъ обставлялась разными торжественными церемоніями, вродѣ слѣдующей. Ста-

вились двѣ иконы—православная и католическая. Присягающій подводился къ нимъ, и по приказанію ксендза, сначала плевалъ въ православную икону, произнося проклятія на Православіе, и потомъ пѣловалъ католическій образъ. Такія единичныя оскорбленія православнаго чувства не поддаются исчисленію, и не о нихъ бы говорить въ виду до крайности дерзкихъ массовыхъ оскорбленій православной религіи. Нужно еще изумляться кротости и долготерпѣнію нашего православнаго люда. Какою другой „господствующей“ народъ потерпѣлъ бы массовое поруганіе своихъ священнѣйшихъ чувствъ и допускалъ бы полную ихъ безнаказанность? А у насъ все сходить съ рукъ врагамъ отечества и Православія. Крестные православные ходы представляютъ по мѣстамъ процессіи мучениковъ и исповѣдниковъ. Путь ихъ заранѣе усыпается, какъ въ древности у самыхъ заклятыхъ непріятелей, битыми стеклами, впивающимися въ босые ноги паломниковъ, или всякими гадостями. Въ идущихъ даже бросаютъ камнями, палками, осыпаютъ ругательствами, и самое еще терпимое то, если, стоя на дорогѣ и глядя въ упоръ на православную процессію, католикъ простоитъ преспокойно или просидитъ въ шапкѣ, иногда съ папиросою въ зубахъ, оскаливая свои зубы, какъ самъ сатана, несомнѣнно вдохновляющій этихъ именующихъ себя послѣдователями Христа на такое сатанинское озлобленіе на истинныхъ Христовыхъ послѣдователей.

Въ частной семейной жизни, менѣе доступной общему наблюденію, вскрываются отъ времени до времени подобныя же ужасныя отношенія католицизма къ Православію. *) Не въ рѣдкость то здѣсь, что отцы и матери сѣкутъ и мучаютъ или просто вовсе выгоняютъ своихъ подростковъ

дѣтей за то лишь, что они хотятъ лучше ходить въ церковь, нежели въ костель. Такихъ несчастныхъ дѣтей во множествѣ пріютили здѣшніе православные монастыри, въ особенности женскіе, и единственный на всю Польшу православный мужской Яблочинскій монастырь.

И—замѣчательное явленіе. Большинство этихъ дѣтей—питомцы православныхъ церковно—приходскихъ школъ. И эти-то школы дѣлаютъ столь великое дѣло—воспитываютъ малыхъ дѣтей болѣе твердыми, болѣе убѣжденными и сознательными исповѣдниками Православія, нежели каковы взрослые ихъ отцы и дѣды, массами устремившіеся въ костелы и опустошившіе цѣлыя православные приходы. Это школа наша воспитала цѣлые ряды маленькихъ мучениковъ Православія, рассказы коихъ о своемъ житіи бытіи вызываютъ положительно слезы умиленія и благоговѣнія. Вотъ особенно трогательные случаи. Въ бытность мѣстнаго преосвященнаго Холмскаго въ одномъ изъ здѣшнихъ монастырей (при объѣздѣ епархіи) припадаетъ къ нему вся въ слезахъ маленькая дѣвочка, ученица школы, и проситъ помѣстить ее въ монастырь. На вопросъ преосвященнаго, что ее заставляетъ просить этого, дѣвочка, плача, заявляетъ, что родители ее сговариваютъ ходить въ костель, но ей не хочется, потому что она любитъ православную церковь, а костель ей не нравится, и что она ни за что туда не пойдетъ. Простой рассказъ дѣвочки до слезъ трогалъ присутствующихъ. Мать дѣвочки, отпавшая отъ Православія, была тутъ же въ толпѣ народа. Услышавъ столь энергичное заявленіе своей дочери, она такъ же со слезами на глазахъ подошла къ преосвященному и заявила, что она ни за что болѣе не будетъ стѣснять дочери въ столь трогательной преданности ея православной Церкви. Другой случай. Въ Яблочинскомъ монастырѣ воспитывается мальчикъ, лѣтъ 11, ученикъ церковно-при-

*) О полномъ злостномъ бойкотѣ православныхъ русскихъ рабочихъ поляками—хозяевами нечего и говорить. Это—теперь уже повсемѣстное явленіе.

ходской школы. Отецъ и мать его согласились записаться въ костель, и много усилій полагали на то, чтобы склонить на то же и сына. Мальчикъ оказался истиннымъ вѣрнымъ сыномъ св. Церкви. Онъ вступилъ съ отступниками въ сильные споры о вѣрѣ, обличалъ ихъ въ непониманіи истинъ вѣры и, когда отступники стали грозить ему и наказывать его, мальчикъ оставилъ ихъ самъ и пріютился въ монастырѣ. Удивительно—разумныя и убѣжденныя рѣчи этого юнаго исповѣдника Православія до слезъ трогательно слушать. Ими весьма былъ тронутъ и недавно по-

сѣтившій Яблочинскую обитель—преосвященный викарій московскій, епископъ Трифоновъ. И такихъ случаевъ здѣсь множество. Очевидно, труды школы не пропадаютъ даромъ; она съ честью поддерживаетъ свое достоинство и значеніе—хранительницы и разсадницы отеческаго Православія, и потому-то такъ не нравятся нашимъ либераламъ и всей этой партіи жидовствующихъ, радѣющихъ о свободѣ и равноправіи непрошенныхъ гостей на родной нашей землѣ въ ущербъ ея хозяевамъ, обильно полившимъ эту землю своимъ трудовымъ потомъ и кровію.

Изъ періодической печати.

Умирающая юность.

Въ высшей степени трогательно евангельское повѣствованіе о юношѣ, умершемъ и воскресенномъ Христомъ! Онъ, юноша,—„единственный сынъ у матери“. Она, вдова, потерявшая свое любимое дитя, горько плачетъ, видя его бездыханный трупъ. Но „Господь сжалился надъ ней и сказалъ ей: не плачь. И, подошедъ, прикоснулся къ одру: несшіе остановились; и Онъ сказалъ: юноша! тебѣ говорю, встань. Мертвый, поднявшись, сѣлъ и сталъ говорить“ (Лук. VII, 11—15).

Такъ божественное милосердіе простерло свою любящую руку убитой горемъ матери и исцѣлило рану ея сердца, даровавъ жизнь умершему ея сыну.

Умираютъ, братья христіане, и наши юноши, наши несчастныя дѣти. Разумѣемъ не смерть физическую, не тѣлесную ихъ гибель. Люди всегда умирали и будутъ умирать. Это—законъ, чтобы взятое отъ земли обращалось снова въ землю. И мы только должны мириться съ этимъ, отдавая себя, свою жизнь, свою судьбу на волю благого и премудраго Провидѣнія. Наша рѣчь въ настоящій разъ о томъ духовномъ вырожденіи, о томъ духовномъ, и въ связи съ нимъ тѣлесномъ, вымираніи, которое съ такой ужасающей быстротой растетъ и ширится въ нашемъ юноше-

ствѣ, и о которомъ плачетъ не одна и не другая мать, а общая наша мать, наша бѣдная, страдающая родина. „Юность умираетъ“,—вотъ общій крикъ Россіи...

Было бы, конечно, большой и вопіющей несправедливостью говорить, что все наше юношество идетъ по наклонной плоскости нравственнаго разложенія и одичанія, а тѣмъ болѣе предьявлять къ нему обвиненіе тамъ, гдѣ дѣйствительно мы видимъ это разложеніе. Будемъ христіански искренни: если юность порой такъ сильно и грубо грѣшитъ, то, вѣдь, во многомъ мы сами виноваты: мы губимъ нашихъ дѣтей, мы не хотимъ отдавать нашихъ силъ на ихъ воспитаніе, нашей любви—ихъ жизни и счастью. Несомнѣнно также и то, что въ нашемъ юношествѣ часто мы видимъ больше добра, чѣмъ сколько его—въ насъ самихъ. Посмотрите, какъ много въ этихъ молодыхъ сердцахъ свѣжей, нерастраченной на жизненномъ пиру энергіи! Сколько вѣры въ добро! Сколько любви къ людямъ, особенно страдающимъ, несчастнымъ! Сколько самой горячей надежды на будущее, на то, что страданіе людей подѣлится любовью, живущей въ людяхъ, должно уступить въ будущемъ радости, счастью и т. д.! Они, вѣдь, такъ часто не признаютъ никакой силы за зломъ, царящимъ надъ

сердцемъ, такъ чисто вѣрятъ въ то, что нѣтъ той силы въ мірѣ, которая могла бы рушить и божеское и человѣческое добро.

Много еще хорошаго, свѣтлаго, христіанскаго въ нашемъ молодомъ поколѣніи, много въ немъ добра...

И всетаки... зло и здѣсь пробило нужную ему брешь, и здѣсь уже заноситъ свою злую сѣкиру. Ему какъ-будто мало тѣхъ, которые, благодаря ему, уже сгорѣли или горятъ въ совѣсти своей; которые уже одряхлѣли душой, растратили сокровища своего сердца. Ему недостаточно и безъ того дряхлой старости. Ему уже нужна молодая жизнь, еще нерассвѣтшая юность.

И опять говоримъ, что мы совсѣмъ далеки отъ того, чтобы бросать камень осужденія въ молодія сердца, извѣдавшія порокъ, на опытъ узнавшія, что такое сладость грѣха...

Но, вѣдь, и молчать нельзя. Сердце не хочетъ, не можетъ, не въ силахъ молчать...

Вотъ нѣсколько фактовъ, взятыхъ прямо изъ жизни.

Богатая гостиная. Бесѣдуютъ двѣ дѣвочки-подростки. О чемъ онѣ говорятъ? Онѣ съ восторгомъ сообщаютъ одна другой, что ихъ родители *ничего* о нихъ *не знаютъ*, что *все* имъ удается, что онѣ уже знаютъ даже то, что, какъ *кажется* взрослымъ, извѣстно только имъ, *большимъ*, извѣдавшимъ *всѣ прелести* жизни...

Роскошный ресторанъ. За столомъ сидятъ два юнца лѣтъ 15—16. Важно отбросившись на спинки кресель, они пьютъ вино, курятъ дорогія сигары, и не менѣе важно, точъ въ точъ какъ взрослые, поговариваютъ о томъ, какая изъ пѣвицъ дороже оцѣниваетъ свои продажныя ласки...

Магазинъ художественныхъ издѣлій. Въ одной витринѣ св. иконы, а рядомъ въ другой самыя неприличныя изображенія, какія стыдно даже и въ темнотѣ держать, а не то, что выставлять на свѣтъ Божій, на виду у всѣхъ людей... Стоить толпа дѣтей. Изъ нея выдѣляется небольшая группа. „Знаете, господа,—слышится изъ этой послѣдней,—на это вотъ суевѣріе и смотрѣть, конечно, не будемъ“. Говорящій показываетъ на иконы и уже намѣревается отойти къ другой витринѣ.—„Но,—возражаетъ другой,—посмотри, какъ чудно

изобразено страданіе на лицѣ Христа“... „Что тамъ глядѣть!.. Все одно и то же суевѣріе моей бабушки... Отжило все это свой вѣкъ“... „Да... положимъ“...—отвѣчаетъ возражавшій, — „это правда“... Вся группа отходитъ отъ Христа и идетъ къ тому, что могла изобразить только чудовищная развращенность испорченной человѣческой души. „Ахъ, какая прелесть!“ говоритъ одинъ. „Посмотри, посмотри“, перебиваетъ его другой, „эта еще лучше“...

Невскій проспектъ... Да и одинъ ли Невскій?.. Всѣ бульвары и большія улицы столицъ и крупныхъ провинціальныхъ городскихъ центровъ наполнены,—страшно даже и подумать объ этомъ!—кишатъ дѣвочками подростками, успѣвшими въ такомъ юномъ, нѣжномъ возрастѣ сдѣлаться продажными женщинами... Выйдите на такія улицы—и вы ужаснетесь, вы не захотите вѣрить тому, что сами же увидите. Или хотя прочтите вотъ эти газетныя сообщенія, идущія со всѣхъ концовъ Россіи, о цѣлыхъ притонахъ продажныхъ дѣвочекъ, открываемыхъ полиціей...

Приглядитесь, братья христіане, понаблюдайте эту „новую“ жизнь въ нашихъ дѣтяхъ. Вырожденіе, страшное вырожденіе здѣсь развивается на ряду съ тѣмъ добромъ, которое,—слава Богу—еще не совсѣмъ вымерло въ нашемъ дорогомъ юношествѣ.

Умираетъ, все болѣе и болѣе пропитывается ядомъ порока наше молодое, юное поколѣніе, наша радость, наше счастье, наша опора и надежда...

Но тѣмъ, значитъ, большій долгъ, тѣмъ большая обязанность наша употребить всѣ наши силы къ прекращенію этого зла, къ оздоровленію и возрожденію нашего юношества. Всѣ мы должны взяться за это, всѣ мы обязаны сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы наши юноши, даже совсѣмъ упавшіе въ бездну грѣха и порочности, при нашихъ добрыхъ усиліяхъ и съ нашей помощью, нашли бы въ себѣ силы „встать“ и ходить во свѣтѣ правды Христовой. 1)

А. Платоновъ.

1) Благовѣстъ № 41.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Никогда, кажется, не были так настойчивы враги нашей родины въ стремленіи обезличить русскаго человѣка, какъ въ наше время, когда и въ журнальныхъ статьяхъ (напр., Петрищевъ въ статьѣ Церковь и школа, „Миръ Божій“), и въ цѣлой серіи революціонныхъ книжекъ (напр. у проф. Доделя: Дарвинъ и Моисей; у Сеайля: Воспитаніе и революція и др.) призываютъ русское общество къ освобожденію отъ опеки Церкви. Но не замѣчаютъ эти ревнители народнаго благополучія, что народъ сторонится ихъ, презираетъ ихъ, оберегая себя отъ ихъ разнузданнаго либеральничанья. Молчаніе его не есть признакъ сочувствія народнымъ развратителямъ, а, напротивъ, желаніе отдѣлаться отъ нихъ, какъ отдѣлывается умный человѣкъ отъ назойливости и нахальства словоохотливаго глупца... Но когда тотъ же народъ видитъ передъ собой человѣка, котораго онъ надѣляется своимъ довѣріемъ, онъ раскрываетъ свою душу, вводитъ его въ сокровенное сердце и показываетъ ему, какъ больно, горько русскому сердцу досаждаютъ не только тѣ, кои отвращаютъ его отъ Бога и вѣры отцовъ, но и тѣ, кои говорятъ о Богѣ послѣ того, какъ вдоль наговорятся объ обиденной дѣйствительности... Вотъ и оправданіе сказаннаго. Недавно поселяне прислали къ одному изъ русскихъ святителей—ревнителей народной вѣры слѣдующую простую просьбу, которая передана была потомъ въ нашу редакцію. Вотъ она цѣликомъ: „Владыка Святый! Мы люди, словамъ которыхъ не придають значенія, не знаемъ, куда обратиться намъ, чтобы высказать свои мысли во благо народа. И вотъ, съ Божіею помощію, мы рѣшились имѣть дерзновеніе просить Ваше Преосвященство сказать Свое мощное Святительское слово на предстоящемъ помѣстномъ Церковномъ Соборѣ.

„Намъ хочется перемѣнить первоначальную книгу, преподаваемую въ сельскихъ школахъ на урокахъ Русскаго языка, а именно „Наше родное“ Баранова, чтобы чтеніе начиналось въ нихъ со слова Божія: съ молитвъ и краткой исторіи Ветхаго и Новаго завѣта; при томъ такъ, чтобы сюда не примѣшивались ни басни ни сказки.

„Хотѣлось-бы намъ также замѣнить въ

библіотекахъ сельскихъ школъ повѣсти и сказки религіозно-нравственными книгами, чтобы чрезъ нихъ сколько нибудь вкоренить и утвердить въ молодомъ поколѣніи вѣру въ Бога. А то, вѣдь, если юношество не будетъ утверждено на этомъ камени, то пойдетъ дождь, разольются рѣки, подуютъ вѣтры и зданіе не устоитъ, потому что основано не на камнѣ—не на словѣ Божіемъ.

„А книга Баранова, преподаваемая въ сельскихъ школахъ, послѣ азбучныхъ словъ въ отдѣлѣ первомъ, на страницѣ первой, начинается: Коля пошелъ къ бабушкѣ. Бабушка дала ему двѣ груши. Тимоша сдѣлалъ плетку и сталъ бить собаку...

„Посреди разныхъ разсказовъ, басенъ да побасенокъ помѣщены праздники; затѣмъ, послѣ сорока трехъ страницъ, на самомъ концѣ, начинается: „во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ и молитвы. Это послѣднее мѣсто, отведенное слову Божію, думается является сильнымъ оскорбленіемъ для вѣры Православной и вѣрующихъ. Всесвятое имя Божіе должно быть первымъ напутствіемъ дитяти, вступающаго на путь ученія. А между тѣмъ, воспитываемыя на басенкахъ, дѣти наши такъ сильно привыкають къ разсказамъ, повѣстямъ и сказкамъ, что преподаваемый имъ законъ Божій плохо усваивается ими... Вотъ почему, многіе, выходящѣ изъ школы, берутъ для чтенія въ школьной библіотекѣ разсказы, повѣсти и сказки, а о словѣ Божіемъ и помину нѣтъ. Въ нынѣшнее время исполнились слова Спасителя, подули вѣтры и зданіе упало, потому что не было основано на камнѣ (на словѣ Божіемъ). Вѣра забыта, Государю измѣняютъ, другъ друга убивають...

„Владыко Святый! Простите насъ за дерзновенное обращеніе къ Вамъ и просимъ: не оставте своимъ мудрымъ заступленіемъ вездѣ, гдѣ можете!“

Вдумайтесь въ смыслъ этой смиренной просьбы. Потерявъ вѣру въ окружающихъ людей, потерявъ вѣру въ силу своего слова, простолюдины просятъ заступиться за нихъ. Они не видятъ предъ собою врага, они не знаютъ его, а потому у нихъ нѣтъ личной злобы... Но они видятъ, что имъ преподносятъ въ школъ не то, что имъ желательно. Не имѣя возмож-

ности слѣдить за общимъ настроеніемъ въ школѣ, они обращаютъ вниманіе на то, что намъ можетъ показаться мелочнымъ: они видятъ, что и въ книгѣ Баранова, въ существѣ дѣла не такъ плохой книгѣ, есть что то недоброе. Въ ихъ сознаніи очевидно живо ввѣдрено старинное правило: „начало премудрости страхъ Господень“. Этому „страху Божію“—вѣрѣ и христіанской нравственности хотятъ они научить и дѣтей своихъ.

И вотъ, извѣрившись въ себѣ и въ окружающихъ ихъ, они обращаются къ русскому епископу; они чрезъ него хотятъ найти защиту... Они не хотятъ изводить дѣтей вонъ изъ притвора храма Божія, удалять ихъ отъ вѣры и благочестія.. Они ищутъ спасенія своимъ дѣтямъ у предстоятеля Церкви.

Но, конечно, ихъ голосъ замретъ, не будетъ услышанъ среди восторженныхъ криковъ революціонной печати, которая заговорила о свободной наукѣ, о представленіи уроковъ религіи однимъ родителями, утайная, разумѣется, про себя современную мысль, что лишь бы только родители взяли на себя трудъ ознакомленія дѣтей съ уроками вѣры, а тамъ они и забудутъ о нихъ... Такъ совершится, по ихъ вѣрному

расчету, подрывъ народной вѣры, а съ нею и подрывъ ненавистнаго многимъ могущества нашей родины.

Правда, придетъ, несомнѣнно придетъ то время, когда нашъ народъ проснется, энергично и рѣшительно заговоритъ о вѣрѣ отцовъ, когда онъ осудитъ всѣхъ развратителей своихъ дѣтей... Но до этого, быть можетъ, ему придется пройти чрезъ тяжкое горнило испытаній, быть можетъ придется опытно пережить печальный результатъ всѣхъ плодовъ воспитанія дѣтей вѣрѣ страха Божія...

И дай Богъ, чтобы онъ не извѣдалъ всѣхъ этихъ плодовъ. Дай Богъ, чтобы онъ не только въ архипастыряхъ, но и въ наставникахъ школъ уважалъ близкихъ, дорогихъ ему людей, которые сумѣютъ заслужить вѣру народа, которые оберегутъ нравственность ихъ дѣтей, которые спасутъ дорогое наслѣдіе поселянъ—ихъ первое богатство—дѣтей въ години тяжкихъ смутъ. А поселяне цѣнятъ такихъ наставниковъ, потому что они инстинктивно сознаютъ, что на нихъ надвигается что то стихійное, ужасное, гибельное для ихъ дѣтей...

Но да мимо идетъ „чаша сія“...

Вновь вышла Троицкая Народная Бесѣда. Кн. 31-я.

БОЖІИ РАТНИКИ.

(Осада Сергіевой Лавры). (Историческая повѣсть).

Д. С. Дмитріевъ. Цѣна 15 к. съ перес. 25 к.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Московской губ. въ редакцію „Троицкихъ Листковъ“ въ Лаврѣ

СОДЕРЖАНІЕ: За авторитетъ родителей, Д. Введенскаго.—Свѣтлая юность—отрадная старость Д. М—на.—Изъ учительскихъ дневниковъ. На школьномъ питательномъ пунктѣ. Сягу. I. Молобнова.—Два учителя. Разсказъ. С. Дмитріева.—Посѣвы и всходы. Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ.—Изъ періодической печати. Умирающая юность. А. Платонова.—Нашъ дневникъ. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 47-ая (шесть статей).

Редакторъ Епископъ НИКОНЪ.

Печать дозволяется. Визанія. Октября 15 дня, 1906 года. Цензоръ, Ректоръ Визанской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. Вгльевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.
За перемѣну адреса 25 коп.

АДРЕСЪ:
Сергіевъ по-
садъ, Моск.
губ., въ Ре-
дакцію „Бо-
жіей Нивы“.

Подписная
цѣна на
журналъ I р.
съ перес.; вы-
ходить
ежемѣсячно.